

**Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Пензенский государственный университет»**

Юридический институт

Кафедра «ГПД»
(наименование)

Направление подготовки

40.04.01
(код

и «Юриспруденция»
наименование)

Магистерская программа Конституционное право; муниципальное право
(наименование)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

на тему :

Статус государственного языка

Студент

193ЮЮМ1
номер группы

подпись, дата

Калькаев Иван Михайлович
фамилия, имя, отчество полностью

Научный руководитель К.Ю.Н., доцент

подпись, дата

Данилова В.А.
фамилия, инициалы

Консультанты:

по

наименование раздела, звание, должность

подпись, дата

фамилия, инициалы

по

наименование раздела, звание, должность

подпись, дата

фамилия, инициалы

Нормоконтролер: доцент кафедры «ГПД»

должность

подпись, дата

Логачева Н.В.
фамилия, инициалы

Рецензент: Мировой судья судебного участка №3 Железнодорожного района города Пензы

должность

подпись, дата

Кирьянов А.Ю.
фамилия, инициалы

Работа допущена к защите в (протокол заседания кафедры от ____ 20__
№__)

Заведующий кафедрой ГПД

название

подпись, дата

Романовская О.В.
фамилия, инициалы

Работа защищена с оценкой ____ (Протокол от ____ 20__ г.
№__)

Секретарь ГЭК

подпись, дата

Антипкина Е.Г.
фамилия, инициалы

Пенза 2022 г.

ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Юридический институт

Направление «Юриспруденция»

УТВЕРЖДАЮ

Зав.кафедрой «ГПД»

название

_____/О.В. Романовская/

(инициалы и фамилия)

____ 2019 г.

ЗАДАНИЕ

на выпускную квалификационную работу студента гр. 193ЮЮМ1

Калькаева Ивана Михайловича

- 1. Тема работы: Статус государственного языка;** _____
- 2. Научный руководитель:** к.ю.н., доцент, Данилова В.А. _____
- 3. Дата выдачи задания:** 27.11.2019 г.
- 4. Срок сдачи слушателем законченной работы:** 10.01.2022 г.
- 5. Перечень подлежащих разработке вопросов:**
 - Понятие и конституционно-правовые основы государственного языка в Российской Федерации;
 - Законодательное регулирование правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации;
 - Сферы использования государственного языка Российской Федерации;
 - Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства;
 - Проблемы использования государственного языка в нормативно-правовых актах и в правоприменении;
 - Русский язык как фактор объединения граждан в зарубежных странах.

6. Консультанты по работе, с указанием относящихся к ним разделов работы:

Раздел	Консультант	Подпись, дата	
		Задание выдал	Выполненное задание принял
Введение		27 ноября 2019 г. Данилова В.А.	15 марта 2020 г. Данилова В.А.
Общие положения о правовом статусе государственного языка в Российской Федерации		15 марта 2020 г. Данилова В.А.	15 апреля 2021 г. Данилова В.А.
Практические аспекты применения государственного языка в Российской Федерации		15 апреля 2021 г. Данилова В.А.	15 сентября 2021 Данилова В.А.
Заключение		15 сентября 2021 Данилова В.А.	10 января 2022 г. Данилова В.А.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ	
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	7
1.1 Понятие и конституционно-правовые основы государственного языка в Российской Федерации	7
1.2 Законодательное регулирование правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации	21
1.3 Сферы использования государственного языка Российской Федерации.....	29
2 ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ	
ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.....	33
2.1 Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства	33
2.2 Проблемы использования государственного языка в нормативно-правовых актах и в правоприменении	45
2.3 Русский язык как фактор объединения граждан в зарубежных странах	56
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	70

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования статуса государственного языка проявляется в том, что язык, как система знаков коммуникации, это уникальное и многоплановое явление, а также предмет исследования филологической, этнографической, социологической, исторической и ряда других гуманитарных наук, в том числе, юридической науки. Связь языка и права проявляется в различных аспектах. Язык является основой осуществления правоотношения, объектом правоотношения, признаком конституционно-правового статуса государства и государственного образования, культурной ценностью, достоянием народа.

Институт государственного языка стал объектом исследования многих отечественных правоведов, среди которых необходимо выделить следующих: Айтов П.Б., Альбилов И.Р., Антокольская М.В., Антропова И.Р., Астахова М.А., Ахмедов А.Я., Баукина И.И., Белов В.А., Беспалов Ю.Ф., Вихарев А.А., Волос А.А., Ганеев Р.Р., Гонгало Б.М., Загоруйко И.И., Имансу А.С., Калиниченко Т.Г., Крашенинников П.В., Левушкин А.Н., Леженникова И.М., Малявина Н.Б., Мохов А.А., Нариньяни А., Нечаева А.М., Норбекова Ю.С., Побережный С.Г., Ралько В.В., Рузанова В.Д., Савельев Д.Б., Серебрякова А.А., Смолина Л.А., Степкин С.П., Темникова Н.А., Цветков А.С., Чашкова С.Ю., Шершень Т.В., и другие отечественные деятели юриспруденции.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с государственным языком в Российской Федерации.

Предметом исследования выступают нормативно-правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие в связи с государственным языком в Российской Федерации, а также правоприменительная практика.

Целью исследования выступает анализ правового статуса государственного языка и ее места в современной системе гарантий прав и законных интересов граждан.

Задачами исследования выступают:

- определение понятия и конституционно-правовых основ государственного языка в Российской Федерации;
- анализ законодательного регулирования правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации;
- определение сфер использования государственного языка Российской Федерации;
- выявление практических и доктринальных проблем применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства;
- выявление практических и доктринальных проблем использования государственного языка в нормативно-правовых актах и в правоприменении;
- анализ русского языка как фактора объединения граждан в зарубежных странах.

Материалы данной работы могут быть использованы при чтении лекционных курсов и в практике преподавания в ВУЗах, при подготовке учебных и методических пособий для студентов и преподавателей.

В работе использовался широкий круг источников и литературы, касающихся вопросов правовых основ статуса государственного языка.

Методологическая база исследования предполагает применение разнообразных методов, в числе которых анализ, синтез, системный, конкретно-исторический, структурно-функциональный, а также метод сравнительного правоведения.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Настоящая работа состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка использованных источников.

1 ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1.1 Понятие и конституционно-правовые основы государственного языка в Российской Федерации

В наше время особое значение приобретает проблема реализации языковой политики как внутри Российской Федерации, так и за ее пределами. Из-за отсутствия эффективных механизмов языкового планирования нет прочной основы для сохранения и развития языков. Сформировавшиеся за последние годы проблемы требуют принятия неотложных мер, ведь языковая политика играет значимую роль в сохранении регионального самосознания и укреплении Российской Федерации.

Современный этап конституционно-правового регулирования использования языков в России начался с момента принятия Закона Российской Федерации от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации».

Данный Закон сыграл большую роль в сохранении и развитии национальных языков в Российской Федерации: провозгласил языки народов Российской Федерации национальным достоянием; закрепил гарантии защиты языков; предоставлено право республикам, входящим в состав РСФСР, устанавливать свои государственные и официальные языки.

Юридическое понимание родного языка можно вывести из анализа и интерпретации положений о языке, получивших закрепление в Конституции РФ (ч. 2 ст. 19, ч. 2 ст. 26, ч. 2 ст. 29, ст. 68), международно-правовых актах (Международном пакте о гражданских и политических правах (ст. 14, 27), Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6, 14), Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (ст. 2, 4), Рамочной конвенции (ст. 5, 6, 9 - 14, 17), Европейской хартии о региональных языках или языках

меньшинств, Конвенции № 169 МОТ (ст. 27, 28, 30, 32), Декларации ООН о правах коренных народов (ст. 8, 13, 14, 16)) и специальных федеральных законах¹.

Федеральным законом «О государственном языке Российской Федерации» Правительству РФ было поручено определить порядок утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации и правил русской орфографии и пунктуации (ч. 3 ст. 1). Правительство РФ своим Постановлением возложило решение данного вопроса на Министерство образования и науки РФ, которое в свою очередь подтвердило, что в настоящее время действуют Правила русской орфографии и пунктуации, утвержденные Академией наук СССР, Министерством высшего образования СССР и Министерством просвещения РСФСР в 1956 г².

Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» был принят 13 лет назад, но до сих пор определения терминов «государственный язык» и «официальный язык» законодателем не даны и не нашли законодательного закрепления. Хотя данные понятия давно используются в законодательстве.

В юридической науке есть разные взгляды на соотношение терминов «государственный язык» и «официальный язык». Ряд исследователей считают, что на территории Российской Федерации должен быть только один государственный язык - русский язык, самой многочисленной нации, для изучения которого всеми гражданами России государство создает условия и предлагает республикам устанавливать не государственные языки, а официальные языки по принципу «В едином государстве должен быть только один президент». Другие ученые не разграничивают статус «государственный язык» и «официальный язык», считая, что «государственный язык» - это и есть «официальный язык».

¹ Кряжков В.А. Коренные малочисленные народы Севера в российском праве. - М.: Норма, 2010. - С. 382.

² Винокуров В.А. Право человека и гражданина на пользование родным русским языком при изучении правовой литературы // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 8. - С. 30.

Мировая практика использования государственных и официальных языков показывает, что, как правило, нужно разграничивать эти понятия, поскольку в одном и том же государстве могут использоваться несколько языков с государственными функциями, похожими по характеру, но разнящимися по объему использования, причем государственные языки наделяются более широкими полномочиями, чем официальные.

Считаем, что в Российской Федерации понятия «государственный язык» и «официальный язык» не равноправны, так как «государственный язык» имеет более высокий статус, чем «официальный язык». Как отметила Л.М. Васильева, в отличие от государственного языка официальный язык не указывает на государствообразующую роль определенного этноса, выполнившего интеграционную функцию по объединению разных народов в единое суверенное государство, в силу чего не может стать и символом этого государства. Смысл же установления языка в качестве официального - выполнение им организационных задач, в первую очередь связанных с использованием его в официальных сферах общения, что позволит обеспечить полноценную работу органов правосудия, государственной власти и т.д.¹. А.С. Пиголкин под термином «государственный язык» понимает язык, на котором государственная власть общается с населением, разговаривает с гражданином. На нем публикуются законы и другие правовые акты, пишутся официальные документы, протоколы и стенограммы заседаний, осуществляются работа органов власти, управления и суда, делопроизводство и официальная переписка. Это язык официальных вывесок и объявлений, печатей и штампов, маркировки отечественных товаров, дорожных знаков и наименований улиц и площадей... преимущественное использование на телевидении и радио, при издании газет и журналов - также одна из функций государства».

Исходя из вышеизложенного считаем возможным предложить

¹ Васильева Л.Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. - 2006. - № 3. - С. 53.

следующие определения. «Государственный язык» - это язык, закрепленный в Конституции Российской Федерации. Является языком межнационального общения, исторически определяет этнические контакты на территории страны. «Официальный язык» - это протокольный язык, используемый в государственном управлении.

Язык является одним из составляющих элементов национально-культурной идентичности, характеризует самобытность и уникальность той или иной нации. Знания о языке формируются и передаются из поколения в поколение, а также играют роль при образовании и функционировании государства. Язык - это неразрывно связанное с мышлением средство человеческого общения, способ обмена мыслями для взаимного понимания людей в обществе.

В юридической науке даются разные определения понятия языка. Профессор В.А. Кряжков считает, что язык - это важнейший элемент нематериальной (духовной) культуры. Он отличает один народ от другого, позволяет его обладателю - индивиду соотнести себя с определенным этносом. На взгляд А.Н. Шепелева, язык - это средство доступа к мыслительным процессам. В языке фиксируется опыт человечества, его мышление, как следствие, язык является механизмом познания¹. По мнению А.С. Каримова, язык - это один из признаков, с помощью которого люди идентифицируют себя с определенным народом, а также это главное средство передачи информации, общения, обмена мыслями.

После широкого общественного обсуждения в 2016 г. была принята Концепция преподавания русского языка и литературы в Российской Федерации.

Данная Концепция вызвала большой общественный резонанс в Республике Саха (Якутия), Татарстане, Башкортостане и в других национальных республиках Российской Федерации.

¹ Шепелев А.Н. Юридический язык как явление правовой жизни // Вестник Тамбовского государственного университета. - 2015. - № 8. - С. 65.

В Республике Саха (Якутия) не были согласны сразу с несколькими ключевыми положениями проекта Концепции. Наибольшее число вопросов оказалось по разделу «Проблемы изучения русского языка и литературы». Эксперты указали, что в проекте Концепции не выдерживается методологическая основа, практически отсутствует опора на фундаментальные научные работы в области литературоведения, лингвистики, педагогики и методики преподавания русского языка и литературы.

В Республике Татарстан при обсуждении проекта Концепции отметили, что необходимо учитывать при разработке Концепции преподавание русского языка и литературы в русскоязычной школе, в школе, где русский язык преподается как иностранный, и преподавание русского в полиэтнической школе.

Согласно Концепции владение русским языком является конкурентным преимуществом гражданина при получении высшего образования и построении профессиональной траектории. А ст. 19 Конституции РФ указывает, что государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от национальности, языка, происхождения, а также других обстоятельств. Русский язык полноценно функционирует и используется на всей территории страны. Никто не отрицает государствообразующую роль русского языка. Но в данном случае считаем, что федеральный центр призван не снимать проблемы.

Принятие Концепции преподавания русского языка и литературы хотя и является своевременной мерой, когда, по существу, носителей русского языка, русской культуры с каждым годом становится все меньше, но принятая Концепция не соответствует представлениям субъектов Российской Федерации, так как не учтены их предложения.

Согласно ст. 68 Конституции РФ государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной

власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

Стоит признать, что в погоне за тенденцией к изучению иностранных языков государство не уделяло достаточного внимания изучению русского языка. В.А. Винокуров вынужден констатировать постоянное увеличение числа лиц, не знающих правил орфографии вообще и особенностей использования юридических терминов и понятий в частности¹.

Республики как субъекты Российской Федерации имеют свое законодательство о языках. В законодательстве республик четко регламентированы правила использования языков в различных сферах жизнедеятельности.

В ряде республик Российской Федерации изучение и преподавание государственных языков республик и родных языков носит добровольный характер, т.е. дается право выбора. Такая норма действует в Республике Саха (Якутия), Удмуртской Республике, Республике Мордовия, Республике Башкортостан и в ряде других субъектов Российской Федерации.

В образовательных учреждениях в Республике Калмыкия изучение калмыцкого и русского языков является равно обязательным независимо от ведомственной принадлежности образовательного учреждения. Таким образом, преподавание государственных языков Республики носит обязательный характер.

Новый импульс в законодательном установлении полномочий субъекта РФ дает закрепление за украинским языком статуса государственного в Республике Крым (наряду с русским и крымско-татарским языками). Подобная практика в закреплении статуса государственного языка за языком народа, самоназвание которого не легло в основу наименования субъекта РФ, с учетом исторических и культурных связей с близлежащими регионами и их

¹ Винокуров В.А. Право человека и гражданина на пользование родным русским языком при изучении правовой литературы // Конституционное и муниципальное право. - 2017. - № 8. - С. 30.

народами, стала новацией в законодательном регулировании использования языков в Российской Федерации. При этом полномочия органов государственной власти Республики Крым в связи с задачей обеспечения равноправного функционирования языков с государственным статусом в данном субъекте РФ также должны быть увязаны с полномочием по защите национальных языков и культур всех народов, проживающих в данном субъекте.

Поскольку республики в составе Российской Федерации являются формой самоопределения автохтонных народов, исторически проживающих на данной территории, государственный язык является одним из признаков государства¹. Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2010 г. в Республике Саха (Якутия), Республике Татарстан, Чеченской Республике, Республике Калмыкия, Республике Дагестан, Республике Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республике, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Северная Осетия - Алания, Чувашской Республике, Республике Тыва, Республике Хакасия численность титульной нации преобладает над другими. В этих Республиках прослеживается высокое национальное самосознание, наличие особых обычаев, верований и традиций.

В 2017 г. под председательством Президента страны состоялось заседание Совета по межнациональным отношениям, посвященное реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации в период до 2025 года. На Совете были рассмотрены вопросы принудительного обучения неродному языку и сокращения часов преподавания русского языка в национальных республиках Российской Федерации.

Итогом работы Совета стало внесение Президентом РФ в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» изменения в ч. 6 ст. 14 следующего содержания: «Свободный

¹ Воронцов П.М. Юридическая природа и статус государственного языка республики в составе России // Политика и право. - 2008. - № 4. - С. 47.

выбор языка образования, изучаемых родного языка из числа языков народов Российской Федерации, в том числе русского языка как родного языка, государственных языков республик Российской Федерации осуществляется по заявлениям родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся при приеме (переводе) на обучение по образовательным программам дошкольного образования, имеющим государственную аккредитацию образовательным программам начального общего и основного общего образования».

Внесению изменений в Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» прошествовали проверки Минобрнауки РФ, Рособрнадзора РФ и Генеральной прокуратуры РФ в республиках на соблюдение прав граждан на добровольное изучение государственных языков республик и родного языка.

Прокуратура Республики Саха (Якутия) считает, что использование якутского языка в общеобразовательных учреждениях в Республике нарушает ст. 44 Закона № 273-ФЗ, якутский язык изучается в общеобразовательных организациях (в Якутской городской национальной гимназии, Саха политехническом лицее, Саха гимназии и СОШ № 38 с углубленным изучением отдельных предметов) при отсутствии документально подтвержденного волеизъявления обучающихся и их родителей. В нормативных правовых актах Министерства образования и науки Республики Саха (Якутия) и образовательных организаций выявлены противоречия Федеральному закону «Об образовании в Российской Федерации».

Распоряжением Окружной администрации города Якутска от 13 февраля 2014 г. № 133р «О закреплении муниципальных общеобразовательных учреждений на территории ГО «Город Якутск» определен язык обучения в каждой школе, в части которых указан только «якутский язык», что, по мнению Прокуратуры Республики Саха (Якутия), нарушает требования ч. 3 ст. 67 Закона № 273-ФЗ и права не владеющих

якутским языком граждан на получение образования соответствующего уровня по месту проживания.

В Постановлении Конституционного суда Республики Саха (Якутия) применительно к вопросу о языке обучения и воспитания в каждом конкретном муниципальном общеобразовательном учреждении сформулирована позиция, что свобода выбора языка обучения рассматривается как нормативная часть права на пользование родным языком. Конституционно-правовой смысл свободы выбора языка обучения предвосхищает национально-этническое развитие учащихся. Таким образом, право граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Саха (Якутия), на получение образования на родном языке обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп, а также созданием условий для их функционирования. Свобода выбора языка воспитания и обучения является частью права на пользование родным языком.

Стоит отметить, что согласно Указу Президента Республики Саха (Якутия) № 931 от 27 декабря 1999 г. английский язык является языком обязательного изучения по всей системе образования Республики и одним из рабочих языков официальных мероприятий. Данный Указ был принят из-за широкого внедрения в международную практику высоких информационных технологий и учитывая стремление Республики Саха (Якутия) к интеграции в мировое экономическое сообщество, а также необходимость обеспечения Республики кадровым потенциалом, отвечающим международным стандартам.

Проблема изучения национального языка остро стоит и в Республике Татарстан. Прокуратурой Республики Татарстан проведена проверка 1 412 образовательных организаций, органов управления образованием, местного самоуправления и государственной власти Республики, по результатам которой выявлены снижения объемов преподавания русского языка, нарушения прав и свобод на добровольное изучение родных языков и

государственного языка Республики с навязыванием незаконных итоговых тестирований, влиявших как на перевод в 10-й класс, так и средний балл аттестата.

Прокуратура Карачаево-Черкесской Республики выявила нарушения законодательства об образовании, во всех общеобразовательных организациях учебники «Родной язык и литературное чтение на родном языке» (уровень начального общего образования) и «Родной язык и родная литература» (уровень основного общего образования), используемые в образовательном процессе при изучении родных языков, не включены в федеральный перечень учебников, рекомендуемых к использованию. В ряде общеобразовательных учреждений отсутствуют заявления (согласие) родителей (законных представителей) обучающихся, подтверждающих выбор изучаемого родного языка из числа языков народов РФ.

Таким образом, органам государственной власти необходимо разработать новые механизмы решения языкового вопроса в современных условиях, учитывающие национально-культурную идентичность в субъектах Российской Федерации.

На взгляд Т.В. Заметиной, повышенное внимание республиканских органов власти к созданию условий сохранения и развития национального самосознания, национальной идентичности осуществляется зачастую в ущерб принципам государственной национальной политики Российской Федерации, идеям общегосударственного единства, укрепления духовной общности россиян. Подобное смещение акцентов снижает эффективность государственной национальной политики Российской Федерации, приводит к формированию этнократической политики в регионах¹.

По мнению профессора В.А. Кряжкова, в любом случае следует исходить из того, что государственный язык республики не может иметь юридических преимуществ перед государственным языком Российской

¹ Заметина Т.В. Региональная национальная политика: проблемы правовой формализации // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. - 2009. - № 12. - С. 29.

Федерации или даже быть равным с ним¹. М.В. Куклина считает, что Конституция РФ признает равное положение всех субъектов РФ в отношениях между собой и с органами государственной власти Российской Федерации, однако в действительности возникает некоторая асимметричность. Это весьма негативное явление, поскольку в дальнейшем это может подорвать единство и целостность страны и может таить в себе и более серьезные угрозы.

Считаем, что национальная политика Российской Федерации должна учитывать региональную специфику субъектов, позволять каждому народу сохранить свою идентичность, а субъекты Российской Федерации не должны противопоставлять себя центру, а должны сотрудничать для взаимовыгодного существования.

Русский язык - язык межнационального общения выступал фундаментом общения разных наций в СССР. Между Россией и бывшими советскими республиками подписаны межгосударственные и межправительственные соглашения о сотрудничестве в области образования, изучения русского языка и подготовки кадров для стран. Несмотря на это, на сегодняшний день можно констатировать, что русский язык утрачивает свою доминирующую позицию в республиках бывшего СССР. После распада СССР бывшие советские республики начали активно строить свою государственность и развивать свой язык.

В ряде бывших республик в составе Союза ССР, ставших независимыми государствами, на первом этапе государственными языками были объявлены национальный и русский языки. Однако затем государственным языком был сделан только национальный язык. Хотя в ряде республик гарантируется применение русского языка во всех официальных учреждениях. Например, в Казахстане государственным языком является только казахский язык. Вместе с тем в государственных организациях и

¹ Кряжков В.А. Государственный язык республики в контексте карельской ситуации: конституционно-правовые вопросы // Государство и право. - 2018. - № 5. - С. 52.

органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (ст. 7 Конституции Республики Казахстан). 20 февраля 2018 г. в Казахстане утвердили новый казахский алфавит, основанный на латинице. Это вызвало резкое недовольство населения страны. Программа перехода на новый алфавит рассчитана на период до 2025 г. Считаем, что принятие нового алфавита положило началу «сужения» использования русского языка в государственной, общественной и культурной сферах жизнедеятельности Казахстана.

Согласно ст. 20 Конституции Республики Армения государственным языком является армянский язык. Статья 17 Конституции Республики Беларусь провозглашает государственными языками белорусский и русский языки. Конституция Кыргызской Республики в ст. 10 закрепляет государственным языком кыргызский язык. Русский язык употребляется в качестве официального языка.

На сегодняшний день школьное обучение на русском языке сохраняется в большинстве постсоветских государств: в Белоруссии - 75% учащихся, Казахстане - 41%, Украине - 25%, Киргизии - 23%, Молдове - 21%, Азербайджане - 7%, Грузии - 5%, Армении - 2%.

Несмотря на то что русский язык обладает особым статусом в ряде стран, входивших в состав СССР, происходит ущемление прав русскоговорящего населения на использование русского языка. В образовательных учреждениях стран СНГ сокращается количество часов преподавания на русском языке, вследствие чего происходит сокращение числа лиц, владеющих русским языком среди молодого поколения. Наблюдается переориентация молодежи на изучение английского языка. Это свидетельствует о западном курсе развития бывших советских республик.

Необходимо усилить работу в странах, входящих в СНГ, путем пропаганды русского языка через СМИ, вести работу по изданию учебников на русском языке, увеличить количество обменных образовательных программ для студентов.

Надеемся, что Указ Президента Российской Федерации от 26 октября 2018 г. № 611 «О создании фонда сохранения и изучения родных языков народов Российской Федерации» поспособствует повышению роли родных языков в воспитании подрастающего поколения, развитию литературы и культуры малочисленных народов, качества преподавания языков в образовательных учреждениях не только в Российской Федерации, но и в республиках, входивших в состав СССР.

Считаем, что Российская Федерация не в должной мере обеспечивает сохранение и распространение русского языка в бывших республиках СССР. Из-за отсутствия пропаганды русского языка и национальной культуры мы видим «переписывание» истории Российского государства и утрату лидирующего положения русского языка в республиках СССР и вытеснение русского языка из общественно-политической сферы.

В результате анализа норм законодательства в сфере языковой политики, проводимой как в Российской Федерации, так и за ее пределами, стоит предложить:

- в связи с тем что дефицит государственного бюджета Российской Федерации в 2018 г. составляет 1,6% ВВП, не все планируемые программы (подпрограммы), мероприятия смогут полностью быть профинансированы из федерального бюджета. Для решения данной проблемы рекомендуем активно привлекать бизнес-сообщество и развивать государственно-частное партнерство;

- для развития, поддержки и повышения статуса русского языка и в целях реализации государственной языковой политики необходимо принять новую федеральную целевую программу «Русский язык»;

- Федеральному агентству по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству необходимо укрепить позиции русского языка в странах СНГ путем проведения мероприятий просветительского, образовательного и научно-методического характера;

- усилить работу и контроль органов государственной власти и органов местного самоуправления за соблюдением и реализацией языковой политики с учетом рекомендаций институтов гражданского общества и научного сообщества.

1.2 Законодательное регулирование правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации

Конституцией РФ закрепляется принцип свободы пользования родным языком, а также свободы выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26). Конституция гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития (ч. 3 ст. 68).

Однако проблема сохранения, изучения и развития национальных языков в Российской Федерации актуальна: внутренняя миграция населения в крупные региональные экономические центры влияет на численность носителей языков народов России. Так, согласно данным статистики, полученным в результате переписи населения в 2010 г., на территории Чувашской Республики чувашским языком владеют 683,5 тыс. человек. При этом аналогичная перепись населения 2002 г. показывала, что чувашским языком тогда владело 797,2 тыс. человек.

Современные социологические опросы подтверждают тенденцию к снижению количества носителей национальных языков в республиках, но изменений в языковой политике Российской Федерации в настоящее время не происходит. В связи с этим считаем необходимым исследовать законодательное закрепление правового положения языков народов Российской Федерации.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ (ред. от 5 мая 2014 г.) «О государственном языке Российской Федерации» провозглашает русский язык единственным государственным и общеобязательным языком в стране, однако делает важную оговорку: обязательность использования государственного языка РФ не должна толковаться как отрицание или умаление права на пользование государственными языками республик, находящихся в составе Российской Федерации, и языками народов РФ (ст. 1).

В Законе РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 (ред. от 12 марта 2014 г.)

«О языках народов Российской Федерации» (далее - Закон о языках народов РФ) презюмируется: «Языки народов Российской Федерации - национальное достояние Российского государства». Отсюда можно сделать несколько важных выводов: 1) языки народов РФ являются частью культуры и быта не только этих народов, но и всего государства; 2) языки народов РФ имеют особую ценность для страны. Следовательно, Российская Федерация принимает на себя обязательство по регламентации использования и сохранения языков народов, проживающих на территории страны. Кроме того, Российская Федерация в лице государственной власти на федеральном уровне принимает на себя определенные обязательства по сохранению и развитию языков народов РФ¹.

Так, согласно ст. 6 Закона о языках народов РФ Российская Федерация самостоятельно ведает вопросами содействия развитию государственных языков республик; создания условий для сохранения и развития языков малочисленных народов и этнических групп, не имеющих своих национально-государственных и национально-территориальных образований или проживающих за их пределами; содействия изучению языков народов Российской Федерации за ее пределами. При этом в части сохранения, изучения и развития языков народов РФ законодательством предусмотрена разработка специальных программ (ст. 7 Закона о языках народов РФ). Так, целевые программы сохранения, изучения и развития языков должны разрабатываться на федеральном уровне Правительством РФ, а на региональном - органами государственной власти субъектов РФ.

Кроме того, в Законе о языках народов РФ установлены существенные полномочия субъектов РФ в сфере национальных языков. Республики вправе устанавливать в соответствии с Конституцией РФ свои государственные языки (п. 2 ст. 3). Субъекты РФ вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты о защите прав граждан на свободный выбор

¹ Гадылышина З.И., Гуцин И.А. Законодательное регулирование правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2021. - № 1. - С. 26.

языка общения, воспитания, обучения и творчества (п. 3 ст. 3). В местности компактного проживания населения, не имеющего своих национально-государственных и национально-территориальных образований или живущего за их пределами, наряду с русским языком и государственными языками республик в официальных сферах общения может использоваться язык населения данной местности (п. 4 ст. 3). Следовательно, федеральное законодательство передает существенную часть полномочий в сфере языков народов субъектам Федерации, а также производит деление статусов национальных языков в зависимости от территории, на которых они используются. Из текста Закона следует, что в республиках язык народов может иметь статус второго государственного, а в иных субъектах (или отдельных местностях) - статус доступного к использованию в некоторых сферах (в том числе в официальной сфере общения).

Указанный подход, на наш взгляд, позволяет субъектам, имеющим статус республик, более интенсивно проводить политику сохранения родных языков. В частности, республики уже сформированы по национальному признаку и не нуждаются в определении состава языков, актуальных для своего населения; кроме того, они зачастую имеют исторические и социокультурные основы использования родных языков.

В каждой из 22 республик России существуют нормативные правовые акты, регулирующие языковую политику. Однако единого подхода к использованию и развитию родного языка в республиках нет.

В каждой республике действует основной закон, указывающий на состав государственных языков. Обычно в республиках провозглашается два или три государственных языка, например татарский и русский в Татарстане; чеченский и русский в Чечне; кабардинский, балкарский и русский в Кабардино-Балкарии. Однако есть и исключения: Конституция Республики Карелия устанавливает один государственный язык - русский, но предусматривает возможность придания статуса государственного и другим языкам путем проведения референдума по этому вопросу.

Порядок использования языков народов детально регламентируется соответствующими законами субъектов, например Законом Республики Башкортостан от 15 февраля 1999 г. № 216-з (ред. от 28 марта 2014 г.) «О языках народов Республики Башкортостан», Законом Республики Тыва от 31 декабря 2003 г. № 462 ВХ-I (ред. от 12 апреля 2019 г.) «О языках в Республике Тыва». Данная группа республиканских законов однотипна: они устанавливают правовой статус языков, названных республиканской конституцией государственными; закрепляют статус русского языка как языка межнационального общения; утверждают основные гарантии защиты языка и прав граждан на его использование.

Однако в некоторых республиках аналогичные законы предназначены для обеспечения правовой защиты языков, не имеющих статуса государственных. Так, Закон Республики Алтай от 3 марта 1993 г. № 9-6 (ред. от 27 ноября 2020 г.) «О языках народов, проживающих на территории Республики Алтай» устанавливает, что государственными языками Республики являются алтайский и русский, однако казахский язык также может использоваться в официальных сферах общения в местах компактного проживания его носителей. Таким образом, казахский язык приобретает дополнительные гарантии своего применения.

Не менее интересным представляется опыт Карелии, в которой, как было указано ранее, государственным языком является только русский. Согласно Закону Республики Карелия от 19 марта 2004 г. № 759-ЗРК (ред. от 7 июня 2017 г.) «О государственной поддержке карельского, финского и финского языков в Республике Карелия» органы государственной власти и местного самоуправления имеют право использовать в работе, а также публиковать издаваемые нормативные акты в СМИ на карельском, финском или финском языке. Кроме того, граждане Республики Карелия имеют право получать основное общее образование на родном карельском, финском или финском языке.

В то же время не во всех республиках РФ приняты законы о

регулировании статуса национальных языков. В частности, такие законодательные акты отсутствуют в Дагестане, Крыму и Северной Осетии, что, по нашему мнению, ухудшает положение носителей национальных языков. Как следствие, в указанных республиках отсутствуют те или иные программы и концепции развития языков народов, что свидетельствует о низком правовом уровне региональной языковой политики.

Региональные программы сохранения и развития национального языка, как было указано выше, принимаются во исполнение ст. 7 Закона о языках народов РФ. Задачи таких программ значительно различаются в зависимости от субъекта и уровня востребованности национальных языков. Так, региональная программа «Сохранение и развитие государственных языков Республики Коми (2019 - 2024 годы)» (утв. Постановлением Правительства Республики Коми от 17 августа 2018 г. № 365) предусматривает:

увеличение количества нормативных правовых актов, переведенных с русского языка на коми язык (до 1 100 единиц в год);

увеличение количества этнокультурных мероприятий с использованием коми языка (до уровня 34,5% от общего количества мероприятий);

увеличение образовательных организаций, в которых преподается коми язык (до 70 единиц);

увеличение количества контента на коми языке, размещенного в сети Интернет (до 220% от объема 2018 г.).

Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2020 - 2024 годы» (утв. Указом Главы Республика Саха (Якутия) от 16 декабря 2019 г. № 901) ставит цель по увеличению доли СМИ, вещающих на языке саха, до 25%. В то же время одной из целей Государственной программы Чеченской Республики «Развитие образования Чеченской Республики на 2014 - 2020 годы» (утв. постановлением Правительства Чеченской Республики от 19 декабря 2013 г. № 345) является

увеличение доли преподавателей чеченского языка, чеченской литературы и истории чеченского народа.

Из сказанного следует, что принятие программ сохранения и развития языка зачастую активизирует сразу несколько сфер общественной жизни: образование, СМИ, творчество и др.

Примечательно, что меры государственной поддержки осуществляются чаще в тех случаях, когда на уровне субъекта приняты и Закон о статусе языка, и подзаконный акт в форме программы развития этого языка. Расширение сферы законодательной регламентации национального языка, как правило, имеет положительный эффект. Так, в Чувашской Республике, Татарстане, Мордовии и Бурятии на официальном уровне утверждены нормы современного национального литературного языка. Данная мера, безусловно, влияет на повышение уровня грамотности его носителей, а также позволяет избежать расхождения смыслов и произношений при использовании языка того или иного народа¹.

Законодательство о национальных языках предусматривает материальную поддержку их носителей. Так, в Республике Калмыкия существует практика дополнительных выплат отдельным категориям носителей калмыцкого языка: студентам очной формы обучения по направлению «Филология: Калмыцкий язык», молодым учителям и преподавателям калмыцкого языка и литературы всех государственных и муниципальных образовательных учреждений.

Исключительный способ поддержки национального языка был использован в Тыве: согласно Закону Республики Тыва от 20 февраля 1996 г. № 496 (ред. от 19 января 2018 г.) «Об именах, отчествах и фамилиях граждан, проживающих на территории Республика Тыва» родители могут дать своему ребенку имя, основываясь на национальных традициях. К Закону прикреплен список тувинских родоплеменных названий, которые можно использовать в

¹ Гадылышина З.И., Гуцин И.А. Законодательное регулирование правового положения языков народов в республиках в составе Российской Федерации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2021. - № 1. - С. 29.

качестве имени ребенка.

Не менее важным элементом языковой политики является законодательное регулирование деятельности национальных СМИ. Согласно Закону Республики Бурятия от 7 марта 2014 г. № 383-V «О мерах поддержки бурятского языка как государственного языка Республики Бурятия» на органы государственной власти Республики возлагается обязанность по содействию в увеличении объема теле- и радиовещания на бурятском языке в эфирных и кабельных средствах массовой информации, периодических печатных и сетевых изданиях республиканского и муниципального уровней. Аналогичная работа со СМИ ведется в Республике Саха (Якутия): средства массовой информации, издаваемые на языках коренных малочисленных народов севера в Республике Саха (Якутия), финансируются за счет государственного бюджета Республики.

Таким образом, поддержка национальных языков в республиках Российской Федерации осуществляется как на федеральном, так и на региональном уровне. На федеральном уровне речь идет о таких мерах, как принятие и исполнение целевых федеральных программ сохранения, изучения и развития языков народов; финансирование региональных языковых программ субъектов. Среди региональных мер поддержки - придание национальному языку государственного статуса; разрешение использования национального языка в официальных сферах; принятие законов субъекта, регламентирующих статус языка и порядок его использования; принятие программы развития национального языка в долгосрочной перспективе; утверждение грамматических норм национального языка.

Тем не менее усилия федерального центра и республик в области поддержки и развития национальных языков не всегда результативны. Дело в том, что языковая политика государства так и не смогла адаптироваться к новым реалиям, связанным с возросшими темпами миграции и изменением уровня образования населения. Ключевые законы в рассматриваемой сфере

принимались десятки лет назад и не соответствуют современным вызовам общественной жизни. Отсутствуют федеральные программы в сфере языковой политики, что лишает субъекты какого-либо ориентира для развития и сохранения национального языка. Изменить ситуацию в лучшую сторону возможно путем принятия современных федеральных целевых программ сохранения, изучения и развития языков народов РФ, а также выработки на федеральном уровне правил создания и поощрения деятельности национальных средств массовой информации.

1.3 Сферы использования государственного языка Российской Федерации

Статус государственного языка подразумевает его принудительное использование в строго определенных случаях. Так, органы государственной власти и местного самоуправления в своей деятельности обязаны использовать русский язык.

Более того, русский язык выступает фактором формирования правосознания государственных и муниципальных служащих. Так, согласно многочисленным зарубежным и отечественным исследованиям, язык способен влиять на образ мышления личности и является способом выражения правосознания.

Кроме того, русский язык в обязательном порядке применяется в наименовании субъектов государственной власти и местного самоуправления, а также организаций всех форм собственности. При этом, организации могут иметь наименования на иностранных языках, но данное правило является диспозитивным. Императивным же является наименование организации на русском языке.

При проведении выборов и референдумов также обязательно использование русского языка. Вместе с тем, трансформация правосознания современного российского избирателя тесно связана с новой цифровой реальностью, которая активно формируется в последние годы как в российском праве, так и за рубежом, что является частью глобальной мировой тенденции. Эти процессы фундаментальным образом меняют многие механизмы публично-властной коммуникации, включая как правотворчество, так и правоприменение¹, в связи с чем в некоторых исследованиях говорится уже о создании «электронного государства» в ответ

¹ Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. - 2019. - № 3. - С. 44.

на вызовы новой цифровой реальности¹. Это все приводит к необоснованному заимствованию иностранных понятий и терминов в русский язык.

Некоторые исследователи высказываются против использования термина «электоральное правосознание». Например, по мнению Н.В. Артамоновой, «в русле зримо наметившейся в российском обществе и российской науке позитивной тенденции отказа от неоправданных заимствований слов из иностранных языков в русский язык представляется целесообразным использование понятия «правовая культура избирателей», а не «электорально-правовая культура». Следует учитывать, что такие слова, как «электорат», «электоральный», понятны не всем гражданам России. Более того, данные заимствованные слова ассоциируются у граждан с худшими проявлениями избирательных кампаний, так называемыми «грязными» избирательными технологиями, «черным пиаром».

Соответствующие ассоциации на фоне общего раздражения, возникающего у человека от слов, смысл которых не вполне понятен, вызывают у граждан отрицательное отношение к самому институту выборов, мешают развитию правовой культуры избирателей и тем самым негативно влияют на правовую культуру общества, усугубляют явления правового нигилизма и массового уклонения избирателей от участия в выборах»².

Вместе с тем, по нашему мнению, термин «электоральный» применительно к избирательному процессу является достаточно устоявшимся и занял прочное место в тезаурусе правовой доктрины. Обогащение языка, особенно научной терминологии, за счет иноязычных заимствований - объективный процесс, который происходит всегда.

Пуризм в науке не способствует ее развитию, а основные научные усилия должны быть направлены на обогащение содержания, а не войну с

¹ Головина А.А. Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // Избирательное законодательство и практика. - 2019. - № 2. - С. 19.

² Артамонова Н.В. Правовая культура избирателей как базовая конституционно-правовая ценность // Правовое государство: теория и практика. - 2018. - № 3 (53). - С. 77.

«неправильной» формой.

По признанию ученых, «для демократического государства крайне важным является уровень и качество избирательной культуры. Избирательная культура складывается из совокупности таких факторов, как понимание необходимости прежде всего собственного участия в избирательном процессе, а также осознание того, что участие в избирательном процессе, в частности в выборах, является наиболее эффективным способом формирования политической власти. Современное состояние избирательной культуры в Российской Федерации характеризуется ее дефицитом.

Причины этого многочисленны, и в первую очередь необходимо выделить кризис правосознания общества, который обусловлен существованием в Российской Федерации таких явлений, как абсентеизм и популизм»¹.

Таким образом, кризис электорального правосознания считается проявлением кризиса правосознания общества в целом. В частности, подчеркивается, что «кризис правосознания общества непосредственно отражается на правовой жизни, приводит к обесцениванию права, нигилистическому отношению к правовым ценностям.

Трудности развития государственно-правовой системы в современной России во многом связаны с изменением и ломкой правовых ценностей. Государство утрачивает возможность влияния на аксиосферу права, сворачивает правовоспитательную работу, отказывает в содействии освоению правовых ценностей гражданами»².

Стоит согласиться с подходом, согласно которому «правовая культура в современном интегрированном мире не определяется территориальными границами одного государства, так как они легко пересекаются глобальными

¹ Худякова В.П. Избирательная культура в Российской Федерации // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2018. - № 4. – С. 77.

² Бондаренко Г.И., Берсиров Т.Б. Правосознание населения современного российского общества // Общество и право. - 2012. - № 3 (40). – С. 80.

телесетями.

Постоянно идет процесс интернационализации и взаимообогащения различными культурными ценностями; одновременно возникают возможности для создания различных виртуальных объединений. Все это создает другую информационную реальность, которую считают виртуальной, но она оказывает серьезнейшее влияние на экономику и правовую сферу, а динамика показателей ее развития позволяет рассчитывать на серьезные изменения в правосознании и правовой культуре не только отдельных государств, но и всего информационного сообщества»¹.

Электоральное правосознание современного избирателя складывается не только под влиянием процессов, происходящих в избирательном праве государства, гражданином которого он является, но и под влиянием свободно получаемой информации из открытых источников об электоральных процессах в других странах.

В совокупности данных информационных потоков, которые в современном мире идут в значительной степени в виртуальном пространстве, и происходит формирование отношения гражданина к институту выборов, к различным избирательным процедурам, к демократии и демократическим ценностям.

Следующим обязательными сферами применения государственного языка является судопроизводство в Российской Федерации, в нормативно-правовых актах, во взаимоотношениях федеральных органов государственной власти и местного самоуправления, при обозначении географических объектов, в официальных документах, в продукции средств массовой информации, при показах фильмов в кинозалах, при публичных исполнениях произведений литературы, искусства, народного творчества посредством проведения театрально-зрелищных, культурно-просветительных, зрелищно-развлекательных мероприятий.

¹ Андреева О.А., Яценко О.В. Трансформация правосознания в условиях информатизации общественных отношений в РФ: стратегии развития // Вестник ТИУиЭ. - 2017. - № 1 (25). – С. 54.

2 ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1 Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства

Действующее федеральное законодательство предусматривает комплекс мер, направленных на развитие языков субъектов Российской Федерации, в том числе в сфере судопроизводства. «В иерархически выстроенной цепочке нормативных регуляторов, обеспечивающих право пользования государственным языком субъекта Российской Федерации, центральное место занимает, безусловно, Конституция Российской Федерации, устанавливающая, что каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ст. 26)»¹. Республики в составе Российской Федерации вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации (ст. 68). «Отечественная доктрина также отмечает то обстоятельство, что важнейшей особенностью правового статуса государственного языка является то обстоятельство, что он устанавливается не просто законом, а непосредственно Конституцией. Таким образом, мы можем выделить важнейшую юридическую особенность государственного языка - его конституционную предопределенность»².

Во всех четырех формах отправления правосудия (конституционного,

¹ Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. - 2005. - № 4. - С. 46.

² Шакирьянов Р.В. Реализация конституционного права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации по гражданским делам в контексте вынесения решения // Российский судья. - 2018. - № 11. - С. 6 - 9.

гражданского, административного, уголовного) существует возможность реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации. Однако возможность отправления правосудия на государственных языках субъекта Российской Федерации нуждается в исследовании реальной реализации права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации. Так, как было отмечено в наших предыдущих исследованиях¹, сфера возможного применения государственного языка субъекта РФ достаточно широка и предполагает возможность составления всех процессуальных документов, включая итоговый судебный акт по делу, на государственном языке субъекта РФ².

На сегодняшний день из 85 субъектов РФ 22 субъекта имеют статус республик (ст. 65 Конституции РФ), которые вправе установить свои государственные языки. Данная возможность была реализована всеми республиками в составе Российской Федерации, за исключением Республики Карелии. В этой связи в рамках исследования был проведен опрос верховных судов 21 субъекта РФ (Республика Адыгея; Республика Алтай (Горно-Алтайск); Республика Башкортостан, Республика Бурятия, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика; Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), Республика Северная Осетия - Алания, Республика Тыва, Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Хакасия, Чеченская Республика, Чувашская Республика), обладающих потенциальной, установленной законом возможностью рассмотрения гражданских дел на

¹ Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Возможность использования процессуальных документов, составленных на государственных языках субъекта Российской Федерации в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. - 2019. - № 2. - С. 54.

² Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Потенциал государственных языков субъектов РФ в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2019. - № 1. - С. 67.

государственном языке субъекта Российской Федерации¹.

Перед органами судебной власти было поставлено пять вопросов:

- какое количество гражданских дел было рассмотрено на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации за период с 2010 по 2018 год;
- какое количество итоговых решений по гражданским делам было принято на государственном языке Вашего субъекта Российской Федерации;
- имеется ли в Вашем субъекте Российской Федерации переведенный на государственный язык субъекта Российской Федерации Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации;
- возникала ли в Вашем субъекте Российской Федерации необходимость рассмотрения гражданских, административных и уголовных дел на государственном языке субъекта Российской Федерации;
- какие, на Ваш взгляд, существуют проблемы в применении государственного языка субъекта Российской Федерации в гражданском судопроизводстве.

Как показал опрос судебных органов, практическое применение государственный язык субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства имеет на территории трех субъектов Российской Федерации: в Республике Татарстан, Республике Саха (Якутия) и Республике Бурятия.

Так, согласно представленным за период с 2010 по 2018 г. данным, Верховным Судом Республики Татарстан в 2013 г. на татарском языке рассмотрено одно гражданское дело по апелляционной жалобе с составлением апелляционного определения на татарском языке. Согласно сведениям, предоставленным районными (городскими) судами в Республике Татарстан в период с 2010 по 2018 г., татарский язык применялся в судопроизводстве при рассмотрении 117 гражданских дел. По указанным

¹ Ядреев И.В. Использование государственных языков субъектов Федерации в деятельности органов прокуратуры // Законность. - 2019. - № 8. - С. 38.

делам на татарском языке принято 117 итоговых решений по существу заявленных требований.

Судами также за указанный период татарский язык применялся при рассмотрении 15 уголовных дел, которые завершились вынесением судебных актов на татарском языке. Кроме того, Вахитовским районным судом г. Казани рассмотрено три дела об административном правонарушении с вынесением постановления на татарском языке¹.

Вторым субъектом, на территории которого была реализована возможность судебной защиты права на государственном языке субъекта Российской Федерации, является Республика Саха (Якутия). За период с 2010 по 2018 г. якутский язык применялся при рассмотрении 2 669 гражданских дел. За указанный период итоговые судебные акты на якутском языке были вынесены по 805 гражданским делам. Необходимость рассмотрения гражданских и административных дел на якутском языке возникает в сельских районах Республики Саха (Якутия), в которых население преимущественно говорит на якутском языке.

Третий субъект, на территории которого возникла необходимость реализации права на судебную защиту, - это Республика Бурятия. Применение государственного языка субъекта Российской Федерации ограничивалось лишь сферой уголовного судопроизводства, что выразилось в привлечении переводчиков и необходимости перевода текстов приговоров на бурятский язык.

Остальные 18 субъектов Российской Федерации на наш запрос дали ответ о том, что государственные языки субъектов Российской Федерации при рассмотрении дел в суде, несмотря на правовую возможность, не применялись. Каких-либо проблем в этих субъектах Российской Федерации при ведении судопроизводства на государственном языке не возникает (Республика Крым, Республика Хакасия, Республика Алтай, Удмуртская

¹ Ядреев И.В. Использование государственных языков субъектов Федерации в деятельности органов прокуратуры // Законность. - 2019. - № 8. - С. 38 - 41.

Республика, Республика Калмыкия, Чеченская Республика). Необходимость рассмотрения дел на государственном языке субъекта РФ не имеется (Республика Мордовия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия - Алания, Республика Марий Эл).

Безусловно, указанная выборка не показывает реальный срез применения государственного языка субъекта Российской Федерации в судопроизводстве, так как, например, не ставился и не исследовался вопрос о привлечении, о необходимости привлечения в процесс переводчика, которое, по сути, является одним из зачастую главных вариантов реализации «языковых гарантий», предусмотренных ст. 26 Конституции Российской Федерации.

«В этой связи можно констатировать, что о реальном использовании государственного языка субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства можно говорить лишь как с учетом рассмотрения дела и принятия судебных постановлений на государственном языке субъекта Российской Федерации, так и с учетом привлечения переводчика при рассмотрении судебных дел. Как известно, все процессуальные источники, закрепляя возможность защиты права в суде на государственном языке субъекта Российской Федерации, отдельно оговаривают, что лицам, участвующим в деле и не владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, разъясняется и обеспечивается право давать объяснения, заключения, выступать, заявлять ходатайства, подавать жалобы на родном языке, а также пользоваться услугами переводчика. Так, например, в Республике Татарстан широко распространено привлечение к участию в деле переводчика. Как показывает наше исследование, при реализации принципа национального языка судопроизводства особо актуально участие переводчика. Во всех процессуальных источниках основным критерием, характеризующим переводчика, является свободное владение языком, на котором ведется судопроизводство, и языком, знание которого необходимо

для перевода. При этом определение уровня свободного владения языком посредством установления минимальных требований, предъявляемых к переводчику, законодательством не предусмотрено»¹. Это предполагает необходимость определенных изменений действующего законодательства, в частности положений п. 3 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. После слов «нарушение правил» необходимо добавить слова: «в том числе связанных с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле», и с учетом этого п. 3 ч. 4 ст. 330 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее - ГПК РФ) следует изложить в следующей редакции: «нарушение правил, в том числе связанных с работой переводчика, которые повлекли нарушение прав лиц, участвующих в деле, о языке, на котором ведется судебное производство».

Представляется, что ст. 162 ГПК РФ необходимо дополнить соответствующим предложением и ч. 1 этой статьи изложить в следующей редакции: «Переводчиком является лицо, привлекаемое судом к участию в деле в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, которое свободно владеет языком, на котором ведется гражданское судопроизводство, и другим языком, знание которого необходимо для перевода с одного языка на другой, либо свободно владеет техникой общения с глухими, немыми, глухонемыми, содействует отправлению правосудия».

«Несмотря на важность принципа языка судопроизводства, некоторые процессуалисты указывают на то, что из семи сформулированных, в частности в ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, безусловных оснований к отмене судебных актов ввиду нарушения норм процессуального права реально действующими и применяемыми на практике являются главным образом два»². Это рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, а

¹ Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. - 2019. - № 1. - С. 114 - 123.

² Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью // Вестник гражданского процесса. - 2018. - № 5. - С. 15.

также принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле (п. 2 и 4 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ). Автор «к реально действующим и применяемым на практике» принцип языка судопроизводства не относит.

Действительно, положение ст. 330 ГПК РФ о нарушении правил о языке, на котором ведется судебное производство, на практике применяется не так часто, однако это обстоятельство не может снизить значение принципа языка судопроизводства.

Кроме того, практика судов изобилует примерами, где из-за нарушения Конституцией Российской Федерации установленного принципа языка судопроизводства были отменены решения судов разных уровней Российской Федерации.

Соответственно, реальную картину реализации государственного языка субъекта Российской Федерации в сфере судопроизводства можно установить лишь при совместном исследовании вопросов рассмотрения дела и принятия судебных постановлений на государственном языке субъекта Российской Федерации, а также привлечения переводчика при рассмотрении судебных дел.

Принцип национального языка судопроизводства относится к основополагающим, организационно-функциональным принципам судопроизводства, вытекающим из федеративного устройства российского государства, реализует на практике указанные выше положения ст. 26 Конституции РФ и обеспечивает гражданам равноправие в языковой сфере судопроизводства.

В этой связи О.Ю. Кузнецов обоснованно указывает, что «не имеется оснований говорить о том, что отраслевой принцип языка судопроизводства играет якобы вспомогательную роль или имеет второстепенное значение. Как и все важнейшие принципы той или иной отрасли процессуального права, рассматриваемый принцип обладает конституционно-правовым происхождением и природой, а потому имеет равную с ними юридическую

силу и значимость: в противном случае система соответствующей отрасли права не обладала бы внутренним единством и целостностью. Таким образом, принцип языка судопроизводства, гарантируя и обеспечивая права и законные интересы субъектов процессуальных правоотношений, не владеющих языком, на котором осуществляется рассмотрение дела с их участием, одновременно обеспечивает сбалансированность и гармоничность применения процедур правосудия в зависимости от предмета разбирательства по делу и субъективных характеристик личности его участников»¹.

Так, в Стандарт справедливого судебного разбирательства, сформулированный Европейским судом по правам человека и состоящий из 16 принципов, входят и 2 правила - правило об обеспечении бесплатной помощью переводчика в случае незнания языка, на котором осуществляется судопроизводство, а также правило быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном человеку языке о характере и основании предъявленного ему обвинения².

Основополагающие требования о национальном языке судопроизводства и о праве на использование услуг переводчика периодически разъясняются в правовых позициях Европейского суда по правам человека, и часто Европейский суд по правам человека в своих решениях «подправляет» правоприменительную практику на национальном уровне в этом вопросе (см. дела «Йечус против Латвии», «Озтрюк против Германии» и т.д.).

В этой связи О.Ю. Кузнецов, проанализировав практику ЕСПЧ в контексте нарушения прав человека в сфере применения языка судопроизводства, а им исследовано 11 решений ЕСПЧ по данному вопросу, пришел к выводу, что «нормативно-правовое содержание института языка

¹ Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства // Современное право. - 2005. - № 4. - С. 47.

² Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия // Вестник гражданского процесса. - 2018. - № 5. - С. 53.

судопроизводства российского процессуального права не только в полной мере соответствует европейским стандартам, но и в отдельных его аспектах даже превосходит их»¹.

Представляется, что, имея такой высокий уровень обеспечения судебной защиты, лицам, участвующим в судопроизводстве, в исследуемом вопросе следует и дальше как на практике, так и на законодательном уровне соответствовать этим высоким европейским стандартам. Поэтому, конечно, нам не следует упрощать данный вопрос.

Кроме того, изложенная выше позиция о важности исследуемого вопроса подтверждается и тем, что в полученных нами ответах указывалось также на ряд существующих проблем, которые, на наш взгляд, являются подспорьем для выработки конкретных предложений, точек роста, которые способствовали бы дальнейшему улучшению применения государственных языков субъектов Российской Федерации в судопроизводстве, укреплению основ федерализма России:

- отсутствие процессуального законодательства, переведенного на государственный язык субъекта Российской Федерации, и отсутствие образовательной базы для подготовки по специальности «юриспруденция» на государственном языке субъекта Российской Федерации (Чувашская Республика);
- отсутствие единой юридической терминологии на государственном языке субъекта Российской Федерации (Республика Тыва);
- отсутствие штатной единицы переводчика с государственных языков субъекта Российской Федерации (Республика Саха (Якутия));
- отсутствие знания государственного языка субъекта Российской Федерации судьями и секретарями судебного заседания (Республика Башкортостан);
- отсутствие официальных переводов кодексов и других нормативных

¹ Кузнецов О.Ю. Международно-правовая практика обеспечения прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) // Арбитражный и гражданский процесс. - 2010. - № 3. - С. 15.

правовых актов, в том числе в соответствующих правовых информационных системах; отсутствие профессиональных кадров, владеющих государственным языком субъекта Российской Федерации, невладение судьями юридической лексикой, правовыми терминами на государственном языке субъекта Российской Федерации; отсутствие специальных юридических справочных материалов и терминологических словарей. Определенные затруднения возникают на стадии исполнения вступивших в законную силу судебных актов, что связано с требованиями, в частности, органов ЗАГС, нотариусов, судебных приставов-исполнителей о предоставлении судебных актов с переводом на русский язык (Республика Татарстан).

Определяя указанные проблемные аспекты, следует отметить, что первостепенное значение имеет наличие единой юридической терминологии и процессуальных источников на государственном языке субъекта Российской Федерации, которые могут послужить реальной основой для рассмотрения дел в судебных органах на государственном языке субъекта Российской Федерации.

В этой связи хотелось бы остановиться на примере Республики Татарстан в части принятых мер, направленных для обеспечения возможности реализации конституционного права на судебную защиту на государственном языке субъекта Российской Федерации.

На основании п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся административное, административное-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды. В счет реализации этих конституционных принципов в Республике Татарстан приняты и действуют как на русском, так и на татарском языках: Избирательный кодекс Республики Татарстан, Экологический кодекс Республики Татарстан, Семейный кодекс Республики Татарстан, а также Кодекс об

административных правонарушениях Республики Татарстан.

Кроме того, еще в 90-е годы XX столетия в республике при Государственном Совете Республики Татарстан была создана редакционная комиссия для перевода действующих кодексов Российской Федерации на татарский язык, куда вошли представители всех ветвей власти республики, а также ведущие юристы, ученые-языковеды.

В рамках этой программы на татарский язык были переведены и с помощью Комитета при Кабинете Министров Республики Татарстан по реализации Закона «О языках народов Республики Татарстан» изданы Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Семейный кодекс Российской Федерации, Трудовой кодекс Российской Федерации, Земельный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации и Гражданский кодекс Российской Федерации и другие кодексы Российской Федерации на татарском языке.

В 2019 году был переведен на татарский язык и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, который является первым переводом Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации на государственный язык субъекта Российской Федерации. Кроме того, в качестве приложения как шаг для расширения единой юридической терминологии к указанному Кодексу был разработан словарь гражданско-процессуальных терминов на татарском языке. Впоследствии этим Кодексом были обеспечены судьи, их помощники, а также работники аппарата судов всех уровней Республики Татарстан.

Необходимо отметить, что практика переводов основных кодифицированных источников на государственные языки союзных и автономных республик широко применялась и практиковалась в рамках советского союзного государства. К сожалению, подобная практика на сегодняшний день не используется и не усматриваются реальные шаги по централизованной организации данного процесса.

Кроме того, на базе Казанского филиала Российского государственного

университета правосудия организованы курсы повышения квалификации «Татарский язык в судопроизводстве» с целью совершенствования теоретических знаний и практических навыков в профессиональной деятельности на татарском языке для мировых судей и работников аппарата мировых судей, которые охватывают вопросы татарского языка в сфере официально-деловой коммуникации; актуальные вопросы проведения судебного заседания, составления процессуальных документов и применения юридической терминологии в судебном процессе на татарском языке.

Указанные шаги были предприняты для практического применения положений ст. 9 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающей реализацию права на судебную защиту, в том числе на государственном языке субъекта Российской Федерации. Хочется надеяться, что опыт Республики Татарстан будет востребован субъектами Российской Федерации, имеющими возможность отправления правосудия на государственном языке субъекта Российской Федерации. Это, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшему укреплению принципов федерализма и основ конституционного строя в Российской Федерации.

Безусловно, государственный язык субъекта Российской Федерации как язык судопроизводства может существовать только при наличии объективной возможности у судебного органа рассмотреть конкретное дело на государственном языке субъекта Российской Федерации, что предполагает наличие судей и работников аппарата суда, владеющих государственными языками субъектов Российской Федерации, включая знание специальной юридической терминологии. Отсутствие таких объективных возможностей должно компенсироваться прозрачной системой судебных переводов, так как в этом случае именно на переводчика возлагается основная процессуальная функция обеспечения «языковых гарантий» участников спорных правоотношений, реализации принципа о языке судопроизводства.

2.2 Проблемы использования государственного языка в нормативно-правовых актах и в правоприменении

Проблема грамотного использования русского языка актуальна как для законодателя, так и для правоприменителя. Лексически верное употребление слов и словосочетаний обуславливает точное понимание смысла, заложенного в тексте нормативного правового акта или договора.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (ред. от 05.05.2014) указал на необходимость использования слов и выражений, соответствующих нормам современного русского литературного языка (ч. 6 ст. 1). Нормативные акты должны являться эталоном использования русского языка как государственного¹. При этом, как справедливо отмечено в научной литературе, существование проблемы использования русского языка в юриспруденции обусловлено тем, что филологи не знакомы с содержанием юридических терминов, что, как следствие, влечет невозможность их полноценного участия в законотворчестве, юристы же не всегда верно используют языковые средства и не уделяют должного внимания этой проблеме.

В науке обосновывается позиция о необходимости проведения лингвистической экспертизы законопроектов². Тем не менее в настоящее время проведение такой экспертизы не носит обязательного характера.

При проведении анализа используемых законодателем и правоприменителем языковых конструкций следует исходить из того, что смысл многих терминов, имеющих устоявшееся значение в русском языке, кардинально отличается от смысла, который им придается юридической наукой. В частности, ярким примером таких метаморфоз является понятие силы в русском языке (физическое свойство, которое характеризует уровень возможности либо технической возможности явления, технического

¹ Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. - 2007. - № 12. - С. 11.

² Соколова М.А. Дефекты юридических документов: монография. - М.: Юриспруденция, 2016. - С. 56.

средства) и как юридическое понятие (сила договора, вступление в силу закона, сила доказательств и проч.). Притом в юриспруденции понятие силы отличается применительно к конкретным ситуациям. Сила доказательства свидетельствует о наличии строго логической связи с доказываемым фактом, его законности, относимости, допустимости¹. Сила нормативного правового акта означает его действие во времени, пространстве, соотношение с другими нормативными правовыми актами и проч.

Разнообразие языковых средств русского языка играет как положительную, так и отрицательную роль при формулировании сторонами условий договоров. В некоторых случаях использование метонимий, контекстных синонимов либо антитез, инверсий помогает уяснить смысл правовой конструкции, в других - наоборот, создает значительные препятствия в понимании как общего смысла, заложенного в договоре, так и содержания отдельных его норм. Однако такую ситуацию нельзя считать случайной, она является закономерным порождением используемой (особенно в последнее время) в Гражданском кодексе РФ языковой техники.

В частности, рассматривая получение согласия на заключение сделки, Гражданский кодекс РФ в п. 3 ст. 157.1 указывает: «Молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом». Толкование приведенной нормы свидетельствует о том, что существуют определенные случаи, предусмотренные в законе, когда молчание признается согласием, во всех остальных случаях молчание согласием не является. Структурно следующая за ст. 157.1 ст. 158 ГК РФ в п. 3 указывает: «Молчание признается выражением воли совершить сделку в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон», из чего вытекает, что в договоре или законе должны быть указаны случаи, когда молчание свидетельствует о наличии воли заключить ту или иную сделку. Таким образом, несмотря на то, что в первом случае предложение построено

¹ Зажицкий В.И. О нетрадиционных свойствах доказательств по уголовному делу // Российская юстиция. - 2018. - № 2. - С. 20 - 23.

как отрицательное, а во втором как утвердительное, речь идет об одном и том же (за исключением того, что во втором случае установлена возможность промолчать в знак согласия, если это предусмотрено договором). Однако использованный законодателем прием вызывает массу вопросов: почему две практически одинаковые нормы следуют друг за другом? Является ли это ошибкой законодателя, или имеет место сознательно использованный прием?

С позиции науки о русском языке лексические повторы, как разновидность стилистических фигур, позволяют выразить логичность и доказательность текста. Однако в нашем случае такой прием имеет обратный эффект, так как затрудняет толкование нормы. Дело в том, что согласие на совершение сделки, описанное в ст. 157.1 ГК РФ, по своей юридической природе является сделкой, которая отвечает признакам, выделенным в ст. ст. 153 - 156 ГК РФ (в научной литературе отражены и иные позиции на природу согласия), из чего следует распространение на нее и норм, заложенных в ст. 158 ГК РФ. Следовательно, использованный законодателем прием лексических повторов не эффективен, так как субъекты толкования пытаются усмотреть скрытый смысл в исследуемых правилах поведения.

В научной литературе справедливо обосновывается тезис о том, что юридические термины, образующие лексический аппарат, должны обладать свойствами адекватности (соответствовать законодательным требованиям с учетом традиции и ментальности); операциональности (в содержании термина должны быть критерии для оценки явления); единства толкования и применения.

Рассмотрим с этих позиций различные обороты, используемые в законодательстве и договорах.

Вызывает интерес использованная законодателем при описании ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства конструкция. В частности, п. 5 ст. 393 ГК РФ указывает на необходимость установления размера понесенных убытков с «разумной степенью достоверности». Смысловая нагрузка, заложенная в данную

формулу, не вполне ясна. Разумность - это логичность, основанность на разуме. Достоверный - верный, истинный, здесь все понятно. Однако совместное употребление данных терминов не создает у нас представления о том, что же такое разумная степень достоверности. Анализ судебной практики на предмет возможного толкования использованного законодателем словосочетания результатов не дал, так как суды, констатируя наличие данной нормы, указывают на необходимость установления убытков с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципов справедливости, соразмерности и проч. (ст. 15 ГК РФ, п. 2 ст. 393 ГК РФ).

В целом употребление в договорах (как, впрочем, и в законодательстве) оценочных понятий позволяет неоднозначно толковать те или иные условия разными субъектами. Для одних разумной степенью достоверности установления убытков являются показания свидетелей, а другие полагают, что такую степень достоверности могут отражать только письменные доказательства.

Употребление в праве оценочных категорий (разумность, добросовестность, справедливость и проч.) вызывает значительные сложности на практике при толковании норм, содержащих такие конструкции. Гражданский кодекс РФ обращается к данным понятиям достаточно часто, иногда используя их в совокупности, что осложняет толкование. Так, лицо, выступающее от имени юридического лица, должно действовать разумно и добросовестно (п. 3 ст. 53 ГК РФ); ликвидационная комиссия должна осуществлять свою деятельность, основываясь на принципах разумности и добросовестности (п. 4 ст. 62 ГК РФ); участник полного товарищества должен вести дела разумно (п. 2 ст. 72 ГК РФ); при признании сделки недействительной вследствие заблуждения необходимо установить, могла ли сторона разумно и объективно оценить ситуацию (п. 1 ст. 178 ГК РФ), и т.д.

Иногда используемые обороты выходят за рамки смысловой нагрузки, вкладываемой в них русским языком. Например, в п. 4 ст. 363 ГК РФ

указывается на необходимость доказать, что лицо вправе разумно рассчитывать на возмещение убытков. Но любой человек и так разумен (за исключением субъектов с дефектом дееспособности). В данном случае законодатель попытался вложить в термин «разумность» иной смысл, однако не раскрыл его содержание, а ушел от проблемы, предложив правоприменителю самому истолковать данное понятие. То же самое можно сказать о конструкции, изложенной в п. 1 ст. 376 ГК РФ, где лицо должно иметь «разумные основания полагать, что...», либо о конструкции «разумно понимаемых интересов» из п. 2 ст. 428 ГК РФ - само понимание того или иного факта уже свидетельствует о разумности.

Различными науками (философией, социологией, психологией и др.) установлено, что понимание разумности того или иного субъекта зависит от типа личности (идеологический, ценностный, религиозный и т.п.); менталитета (русский, западноевропейский, англо-американский и т.п.); возраста; социальной среды; образования и прочих факторов. Даже один человек на разных этапах своей жизни может считать одно поведение разумным, а другое - нет. В представлении же различных людей понятия о разумности могут различаться значительно. Из этого, на наш взгляд, следует, что при составлении договора необходимо максимально избегать оценочных понятий в силу их различного толкования, а в случае обращения к ним давать четкую характеристику содержания, понимаемого под используемым термином. Например, под разумным сроком следует понимать срок семь дней; под разумной ценой необходимо понимать цену, сложившуюся в данной местности, на данный товар, на дату предъявления требования; разумными мерами следует считать уведомление кредитора о возникших убытках в течение 24 часов с момента их возникновения и т.п.

Данные умозаключения верны не только относительно использования оценочных понятий в договоре или законодательстве. Необходимо согласиться с высказанным мнением, что в силу преобладания в юридической науке поликонцептуализма, когда новая научная парадигма

сосуществует с прежними концепциями, достичь однозначности в понимании применяемых терминов невозможно¹. Следовательно, в целях предотвращения разночтения условий договора необходимо четко формулировать определения используемых юридических терминов. Данная рекомендация, в частности, закреплена в Национальном стандарте Российской Федерации «Терминологическая работа. Принципы и методы», руководствуясь требованиями которой следует сосредоточить усилия на выработке единой терминологии, используемой в соглашении, поскольку формулирование различных понятий является ключевым в организации юридического знания, так как они служат средствами описания объектов и формируют из них значимые единицы права.

При определении условий договора необходимо критически оценивать нормы права, на которых строятся договорные отношения, и проводить их корректировку с целью наиболее полного уяснения сторонами правил поведения, прописываемых в соглашении. Так, например, в договоре займа или кредита обязанность заемщика по возврату займа/кредита считается исполненной «в момент передачи его займодавцу, в том числе в момент поступления соответствующей суммы денежных средств в банк» (п. 3 ст. 810 ГК РФ). Однако оборот «в том числе» использован неверно. Внося изменения в норму, законодатель обосновывал это тем, что в случае банкротства банка деньги, вносимые заемщиком для погашения займа/кредита, не доходили до банковского счета займодавца, а оседали на корреспондентском счете самого банка, таким образом, обязанность займодавца по погашению долга считалась не исполненной, несмотря на то что денежные средства он внес (прежняя редакция ст. 810 ГК РФ связывала момент возврата долга с поступлением средств на банковский счет займодавца).

Рассматривая данную норму, также необходимо помнить, что займодавец может вернуть деньги как непосредственно самому заемщику

¹ Салтыков К.Г. Прагматические свойства юридических терминов // Современное право. - 2015. - № 8. - С. 26 - 31.

путем вручения, так и путем перевода денежных средств на его счет в банке. Исходя из всего сказанного и возвращаясь к исследуемой редакции п. 3 ст. 810 ГК РФ, необходимо подчеркнуть, что словосочетание «в том числе» абсолютно неверно подменяет союз «либо». Передача денег путем вручения займодавцу не может «в том числе» осуществляться путем внесения денежных средств на его счет. Это два разных варианта исполнения обязанности вернуть долг. Исходя из смысла, заложенного законодателем в п. 3 ст. 810 ГК РФ, данную норму необходимо сформулировать следующим образом: «заем считается возвращенным в момент передачи его займодавцу либо в момент зачисления соответствующей суммы денежных средств на корреспондентский счет банка, в котором открыт банковский счет займодавца». В силу того что данная норма носит диспозитивный характер, допуская ее изменение соглашением сторон, при заключении договора займа или кредита, следует пользоваться уточненной формулировкой.

Значительной проблемой при вступлении в договорные правоотношения является включение в содержание договора «как бы» диспозитивных и «как бы» дозволительных норм, которые вводят в заблуждение сторону соглашения либо относительно возможности неприменения или возможности изменения этой нормы, либо относительно возможности использования дозволения, заложенного в норме. Такие приемы использует и законодатель. Например, п. 4 ст. 66.3 ГК РФ устанавливает, что участники непубличного общества, желающие включить положения в устав, не относящиеся к обязательным, могут включить их в учредительный договор. На первый взгляд и норма диспозитивная, так как предоставляет возможность выбора варианта поведения по своему усмотрению (могут предусмотреть, а могут и не предусматривать), и характер нормы дозволительный (дозволяет включить положения в учредительный договор). Однако по своей сути норма содержит запрет на включение в устав условий, которые не отнесены законом к обязательным. Другим примером псевдодозволительной и псевдодиспозитивной нормы

является положение, закрепленное в п. п. 3 и 4 ст. 15 Федерального закона «О некоммерческих организациях» в силу которого участники фондов, корпораций и автономных некоммерческих организаций вправе входить и выходить из них по своему усмотрению. Из толкования данной нормы прямо следует, что для участников других некоммерческих организаций (например, учреждений) такое правомочие не предусмотрено, что, по сути, означает установление запрета вхождения и выхода из учредителей.

Приведенные примеры правовых норм свидетельствуют об использовании в их содержании мнимых дозволений, предоставляя возможность иметь права одним субъектам и лишая такой возможности других, не указывая на это в тексте статьи. Такие нормы опасны, так как отсутствие четкого запрета создает иллюзию наличия правомочия или общего дозволения. Такие нормы сложны в толковании, так как необходимо знать весь массив правовых норм, регулирующих конкретные правоотношения, что в настоящее время достаточно сложно в силу их многообразия.

При заключении договоров подобные приемы используются при описании правомочий, которые распространяются только на одну сторону соглашения. При этом не следует путать мнимые дозволительные нормы и те нормы, которые обуславливают приобретение прав выполнением тех или иных условий.

Так, в частности, в договоре банковского вклада наступление права на его получение может быть обусловлено наступлением определенного возраста или события (заключение брака). В договоре поставки начало поставки может быть связано с наступлением определенных условий (например, температура воздуха в течение пяти дней не превышает 8 градусов по Цельсию). Аналогичные дозволения, обусловленные выполнением того или иного условия, содержатся и в гражданском законодательстве. Например, п. 4 ст. 292 ГК РФ предусматривает необходимость получения согласия органа опеки и попечительства на

отчуждение жилого помещения, если в нем проживает оставшийся без попечения родителей несовершеннолетний ребенок. В целом гражданское законодательство содержит большое количество норм, которые носят условно дозволительный характер, обуславливая наделение субъекта гражданского права определенными субъективными правами при выполнении конкретных действий (условий) (получение согласия, оформление лицензии и проч.).

Иногда включение в договор ошибочных положений обусловлено неверным толкованием нормы права сторонами соглашения, причина которого видится в неверном синтаксическом построении текста статьи. Так, анализ п. 4 ст. 367 ГК РФ показывает, что он устанавливает четкий запрет, без оговорок, о невозможности прекращения поручительства в результате смерти должника либо реорганизации юридического лица - должника.

Однако так как смерть либо реорганизация в большинстве случаев влечет перевод долга на другое лицо, то поручительство прекращается, если поручитель не даст согласие отвечать за нового должника (п. 3 ст. 367 ГК РФ). Таким образом прекращение поручительства ставится в зависимость от согласия поручителя (которое может быть выражено как на момент заключения договора поручительства, так и на момент смерти/реорганизации должника). Следовательно, для изменения правоотношения необходим юридический состав - смерть/реорганизация должника и согласие/отсутствие согласия поручителя. Более того, обязательство в случае смерти должника может прекратиться и по основаниям п. 1 ст. 418 ГК РФ, когда перевод долга невозможен в силу того, что обязательство может быть исполнено только лично должником либо иным образом связано с его личностью. Законодатель же создает у правоприменителя ошибочное представление о невозможности прекращения договора поручительства смертью/реорганизацией должника. Ошибка законодателя в данном случае заключается в том, что он формулирует норму в форме запрета, без каких-либо оговорок, что создает впечатление недопустимости изменения данной нормы даже законом.

Подводя итог проведенного исследования, необходимо указать, что лингвистические дефекты условий договоров обусловлены рядом взаимосвязанных причин, связанных как с отсутствием языковой грамотности сторон договора, так и с языковыми пороками действующего законодательства. Следовательно, решать проблему необходимо комплексно, путем повышения уровня грамотности населения и совершенствования профессионализма законодателя, направленного на улучшение языковой и юридической техники. Особое внимание при этом следует уделить унификации используемой терминологии, а также максимальному исключению из действующего законодательства псевдодозволительных и псевдодиспозитивных норм.

Применительно к сокращению «РФ» следует отметить некоторую неадекватность авторов Конституции Российской Федерации 1993 г. и Закона РСФСР от 25 декабря 1991 г. N 2094-1 «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», поскольку если наименования «Российская Федерация» и «Россия» равнозначны, то остается неясным, для чего было необходимо громоздкое многословное название «Российская Федерация»?

Очевидно, что имеет место противопоставление двух названий - более разговорного наименования «Россия» и с юридической точки зрения более точного (поскольку содержит отсылку к территориальному устройству) «Российская Федерация». Исходя из этого противопоставления понятно, что в документах преимущественно будет применяться более точное, но при этом более громоздкое наименование, которое потребует использование аббревиатуры.

При этом ни Закон РСФСР от 25 декабря 1991 г. N 2094-1 «Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика», ни Конституция не содержат аббревиатуры наименования «Российская Федерация», что по сравнению с советскими Конституциями является шагом назад. В результате подобного подхода,

хотим мы этого или нет, в настоящее время в официальных документах и научных трудах массово применяется сокращение «РФ» и остановить его использование не представляется возможным.

Исходя из вышеизложенного можно сформулировать вывод, что при подготовке нормативно-правовых актов следует активнее применять сокращения и аббревиатуры, при этом установив их легальный статус. Опыт показывает, что применять аббревиатуру СССР намного удобнее, чем употреблять более точную формулировку «Союз Советских Социалистических Республик». Развитие общества не может не отражаться на юридической технике, которая неминуемо воспринимает существующие тенденции трансформации правового пространства. Задачей законодателя является учет сложившихся направлений развития и их легализация в целях недопущения правовой неопределенности и правовых пробелов. Судебные органы подтверждают возможность использования в правоприменительной практике различного рода аббревиатур, однако следует устранить причину подобного рода разбирательств в текстах нормативно-правовых актов.

2.3 Русский язык как фактор объединения граждан в зарубежных странах

Интерес государств в межрегиональном интеграционном сотрудничестве обуславливается несколькими факторами:

- во-первых, участие любого государства в межрегиональном сотрудничестве, в отличие от регионального, свидетельствует о наличии у него экономических возможностей контактного взаимодействия с другими государствами, порой расположенных на известном от них удалении, что расширяет представление о формах и средствах реализации интеграционных проектов;

- во-вторых, межрегиональное межгосударственное интеграционное сотрудничество способствует дальнейшему развитию не только международно-правовых механизмов его обеспечения и регулирования, но и в целом действующего международного права на современном этапе его существования во благо реализации одного из его основных принципов - сотрудничества, в соответствии и на основании нормативных положений Устава Организации Объединенных Наций 1945; Декларации об основных принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 г., а также Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.

Точкой отсчета истории участия государств рассматриваемого региона в межгосударственной межрегиональной интеграции является середина двадцатого столетия. Этот период был ознаменован послевоенной интенсификацией международных отношений, спровоцированной естественной потребностью народов и государств соединить свои усилия с целью преодоления последствий Второй мировой войны и возникавших после нее региональных вооруженных конфликтов, сопровождавшихся установлением в некоторых местностях оккупационного режима, а также

территориальными аннексиями.

Поддержка российских соотечественников за рубежом является одним из приоритетных направлений внешней политики России в Прибалтике. Наряду с вопросом массового безгражданства (Латвия и Эстония) и дискриминации русского языка (от ликвидации русских школ до запрета российских СМИ) проблема помощи соотечественникам существует с начала 1990-х годов, когда страны Балтии обрели независимость. Российское государство продолжает использовать ресурс местных активистов для сохранения своего присутствия в Прибалтике и связи с русской диаспорой. Одними из основных инструментов остаются местные координационные советы соотечественников, работающие в тесном контакте с посольствами России в Эстонии, Латвии, Литве и с Россотрудничеством. Однако потенциал советов, а также интерес России к Прибалтике несколько снизились. Это связано как с относительно низкой эффективностью работы советов, так и со сложностью российско-прибалтийских отношений. России необходимо выработать новый подход во взаимодействии с координационными советами соотечественников в Прибалтике.

В основном российская община в странах Балтии сформировалась в послевоенный период. Как отмечает заместитель директора Центра североευропейских и балтийских исследований НКСМИ МГИМО и руководитель балтийского направления Центра Р.Х. Симонян, русскоязычное население стран Балтии характеризуется высокой степенью неоднородности. Он разделил русскую общину в Прибалтике на восемь основных групп¹. В первую группу Симонян отнес коренных русских, проживавших там с довоенных и дореволюционных лет. К ним относятся потомки староверов, военнослужащих Северо-Западной армии генерала Н. Юденича, первых эмигрантов из советской России. Характерная черта этой группы - высокая степень интеграции с титульной нацией. По оценке Симоняна, ее численность на момент распада СССР составляла не более 8%. Вторая группа

¹ Симонян Р.Х. Эстония. Обретение второй независимости. М.: Аспект пресс, 2016. С. 145 - 150.

- представители российской творческой интеллигенции, оказавшейся в Прибалтике после Великой Отечественной войны. Это была самая немногочисленная (не более 2%), но самая авторитетная группа. В нее входили различные ученые, интеллектуалы, деятели искусства. Их также отличает высокая степень интеграции и уважения со стороны титульных наций. В третью группу входили инженеры, врачи, преподаватели, работники научно-исследовательских институтов, театральные деятели, журналисты. К началу 1990-х годов их доля составляла порядка 6 - 7%. Четвертая группа, по мнению Симоняна, состояла из высококвалифицированных рабочих, занятых освоением новых технологий на крупных предприятиях. В 1991 г. их численность составляла порядка 10% общины. Пятая группа - советские военнослужащие и члены их семей, шестая - офицеры-отставники, седьмая - представители рядового состава срочной службы, которым после отбывания воинской повинности в Прибалтике удалось там остаться, закрепиться, а затем привезти своих родственников. Общая доля представителей с пятой по седьмую группу составляла около 42%. Восьмая группа - приехавшие в прибалтийские республики лица, участвовавшие в строительстве крупнейших хозяйственных объектов союзного значения (не менее 30 - 35%). Следует отметить, что последние четыре группы характеризовались крайне низкой степенью интеграции и невысоким знанием местных языков. Они не были заинтересованы в принятии эстонских, латвийских и литовских национальных ценностей, поскольку они являлись «советскими людьми». Таким образом, большая часть русскоязычной диаспоры не оказалась готовой к ассимиляции с титульными нациями.

Со времени распада СССР численность русских в странах Балтии значительно сократилась. В Эстонии их примерно 327 802 чел., в Латвии - 471 206, в Литве - менее 130 тыс. чел. Несмотря на то что большая часть русскоязычного населения в той или иной степени лояльна к местным правительствам, часть русской общины все еще активно выступает за сохранение русских школ, борьбу с фальсификацией истории Второй

мировой войны, построение дружеских отношений с Россией. Они читают российские издания, смотрят российские программы, а главное - разделяют российские ценности.

После распада СССР миллионы россиян и русских, живших за пределами РСФСР, стали считаться соотечественниками. Новые русские диаспоры, в том числе в Прибалтике, стали рассматриваться в качестве проводников российского влияния на постсоветском пространстве. Однако в 1990-е годы в странах Балтии так и не появилось никаких серьезных общественно-политических сил, защищавших интересы российских соотечественников.

В 1999 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 мая 1999 г. N 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом», заложивший законодательную базу для работы России с соотечественниками и определивший понятие «российский соотечественник». Согласно ему соотечественниками являются не только граждане РФ, но и лица, «сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации». В 2001 г. Президент России В.В. Путин запустил проект «Русский мир». Выступая на Конгрессе соотечественников в октябре 2001 г., он признал, что одна из причин неэффективности работы с российскими общинами за рубежом - «чиновничье равнодушие и бюрократизм, несогласованность, причем, к сожалению, на всех уровнях».

К середине 2000-х годов была создана система координационных советов соотечественников, в том числе и в Прибалтике. В 2007 г. возник Координационный совет российских соотечественников Эстонии (КСРСЭ), в 2008 г. окончательно оформился Совет общественных организаций Латвии (СООЛ), в 2009 г. - Республиканский совет российских соотечественников Литвы (РСРСЛ). Их создание и курирование были поручены соответствующим профильным ведомствам МИД России и соответствующим

российским посольствам. Формально координационные советы - независимые общественные организации, однако на самом деле они работают в тесной связке с посольствами РФ в Эстонии, Латвии, Литве, Всемирным координационным советом российских соотечественников, а также Россотрудничеством. Координирует работу советов представитель Россотрудничества в Хельсинки.

В настоящий момент председателем КСРСЭ является бывший глава Горсовета Нарвы В.А. Чуйкин. По его словам, деятельность совета охватывает множество тем, главной из которых является защита исторической памяти России. В 2020 г. основные усилия организации были сконцентрированы на подготовке проектов, посвященных 75-летию Дня Победы. Совет работает по трем основным направлениям - образование, культура и защита прав человека. КСРСЭ ежегодно организует фестивали, концерты, круглые столы, поездки и иного рода мероприятия, связанные с русской историей и культурой.

Главным недостатком работы Координационного совета Чуйкин считает недостаток финансирования и чрезмерно высокую бюрократизацию процесса подачи заявки на проведение мероприятий для привлечения средств Россотрудничества или посольства России в Эстонии. «Мы практически все делаем на общественных началах. Какие-либо проекты не смогли профинансировать, потому что остались проблемы, которые существуют во взаимоотношениях с Россотрудничеством», - сообщает он. КСРСЭ помогает также «Московский Дом соотечественника», но тоже лишь после предоставления множества отчетов и документов. Иногда соорганизатором мероприятий выступает российское посольство в Таллине, но непосредственно КСРСЭ оно никакие средства не выделяет. По словам Чуйкина, если бы деньги на проведение мероприятий предоставлялись через посольство, они были бы распределены «более правильно».

Трудности с финансированием мероприятий - не единственная серьезная проблема организации. По мнению бывшего члена

координационного совета С.Г. Петинова, «настоящей ахиллесовой пятой КСРСЭ является полное отсутствие целеполагания (четких и реально достижимых целей), а также стратегии и тактики действий на обозримую перспективу». Он отмечает, что ситуация заходит в тупик, когда необходимо организовать исполнение принятых решений, «поскольку становится очевидным факт, что даже при наличии доброй воли и полном понимании целей и задач, подкрепленных продуманными планами, Координационный совет располагает совершенно ограниченным и недостаточным арсеналом средств и возможностей для исполнения сколь-нибудь значимых мероприятий, требующих материально-финансовых ресурсов». Он убежден, что КСРСЭ будет и дальше находиться в положении «полуфиктивной структуры, лишенной перспективы стать авторитетной и влиятельной координирующей организацией движения российских соотечественников».

Руководителем Совета общественных организаций Латвии с 2007 г. является директор Балтийского центра исторических и социально-политических исследований кандидат исторических наук В.И. Гущин.

В настоящий момент в СООЛ входят порядка 150 организаций, из которых активно себя проявляют примерно 60. Подобно КСРСЭ, Совет общественных организаций Латвии реализует свою деятельность в сфере сохранения русского языка, культуры, образования на русском языке, противодействия фальсификации истории, осуществления правозащитной деятельности. Каждый месяц в Доме Москвы в Риге члены СООЛ проводят заседания, на которые приглашаются представители российского посольства в Латвии.

По словам Гущина, посольство РФ и правительство Москвы в последние годы стали предоставлять меньше финансовой поддержки СООЛ. Он связывает это со сменой приоритетов как у Москвы, так и у России в целом. Гущин рассказал, что СООЛ по-прежнему обращается за денежной помощью в правительство Москвы и Россотрудничество, но тем не менее оказываемой поддержки недостаточно, а договоренности о поддержке

проектов, достигнутые им в Хельсинки с представителем Россотрудничества, не выполняются. При этом заявка на проведение мероприятий всегда готовится при содействии посольства РФ в Латвии.

Руководитель СООЛ все еще надеется, что Россия увеличит поддержку российским соотечественникам. Свои надежды Гушин связывает с новым руководителем Россотрудничества Е.А. Примаковым, который был назначен на свой пост 25 июня 2020 г. В Латвии рассчитывают, что теперь деятельность агентства станет более прозрачной: «Мы хотя бы будем понимать реакцию руководства этой структуры на те заявки, которые мы предлагаем им рассмотреть. На сегодняшний день - и это касается не только Россотрудничества, но и правительства Москвы - на наши обращения мы ясного и четкого ответа не получаем. Мы не знаем, поддерживается наша заявка или нет».

Главой Республиканского совета российских соотечественников Литвы (РСРСЛ) является председатель Славянского фонда милосердия О.Г. Горшкова. Согласно Положению о РСРСЛ цель структуры - «укреплять взаимодействие и координацию деятельности Организаций соотечественников, направленной на сохранение и развитие единого культурного пространства, воспитание молодого поколения в духе традиций и этнокультуры народов России, сохранение исторической памяти, а также на защиту законных прав и интересов соотечественников». Основная деятельность РСРСЛ заключается в организации мероприятий, посвященных популяризации русской истории и культуры.

Работа Республиканского совета российских соотечественников Литвы также координируется через представителя Россотрудничества в Финляндии, посольство РФ в Литве, правительство Москвы. Финансирование ряда образовательных проектов, круглых столов, конференций, праздников происходит по линии МИД России. Однако в последние годы получать средства из России стало значительно сложнее. По словам Горшковой, ранее РСРСЛ оказывал поддержку и местный бизнес, но на фоне ухудшения

российско-литовских отношений его активность значительно снизилась.

Говоря о проблемах взаимоотношений с российскими структурами, руководитель совета соотечественников в Литве отметила, что в ее работе ей мешают излишний бюрократизм, а также негативный политический фон в отношениях России и Литвы, из-за которого люди опасаются сотрудничать с Координационным советом.

Следует отметить, что российская сторона не до конца доверяет РСРСЛ и поэтому не всегда согласовывает с ним факты подачи заявок на финансирование тех или иных проектов. Горшкова считает, что это тоже мешает исполнению ее обязанностей. «Мы не всегда в курсе дела. Многие наши организации отправляют заявки, и мы не всегда знаем, кто именно. Мы их потом начинаем разыскивать. Если создали координационные советы и они функционируют, я думаю, было бы правильно больше нам доверять и позволить нам тоже иметь свой голос при принятии решения о финансировании того или иного проекта», - считает она.

Деятельность координационных советов соотечественников вызывает множество вопросов в России. Эксперты, проработавшие в системе МИД РФ и взаимодействовавшие с Россотрудничеством, критически относятся к работе данных структур. Например, председатель межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз» доктор политических наук Т.В. Полоскова считает, что организации соотечественников в Прибалтике показали свою неэффективность и главная причина этого - «качество человеческого материала». Она отмечает, что в данных структурах «крайне мало людей, которые без посторонней помощи, в том числе финансовой, в состоянии осуществлять какую-либо серьезную деятельность по консолидации российской диаспоры». Она убеждена, что нынешние координационные советы «в большинстве случаев легко управляемы, но малоэффективны».

По мнению директора Института Русского зарубежья С.Ю. Пантелеева, координационные советы соотечественников в Прибалтике работают

неэффективно и «эффективными им быть сложно». Главные причины этого - отсутствие четкой правовой субъектности и собственного бюджета. Также следует понимать, что местные соотечественники находятся в заложниках плохих российско-прибалтийских отношений, и поэтому люди просто боятся заниматься общественной деятельностью, связанной с Россией и русским языком. Активисты, отстаивающие права русских и борющиеся против фальсификации истории, подвергаются систематическим проверкам и запугиванию со стороны правоохранительных органов и спецслужб. Это препятствует обновлению нынешних структур, и, как следствие, в них работают одни и те же люди на протяжении многих лет.

Президент Российской ассоциации прибалтийских исследований Н.М. Межевич отмечает, что в этих условиях Москва ставит перед собой две основные задачи: с одной стороны, она помогает соотечественникам переселиться в Россию, а с другой - отстаивать соблюдение их прав в Прибалтике.

Анализ сложившейся ситуации показывает, что у России имеются некоторые сложности в работе с соотечественниками в Прибалтике. Однако дело не только в позиции РФ, но и в деятельности организаций самих соотечественников. Русская община в Прибалтике всегда была неоднородной, вследствие чего после распада СССР ей не удалось консолидироваться под единым началом. В то время как одна часть русской диаспоры успешно ассимилировалась с титульными нациями, другая часть продолжает отстаивать свою идентичность, родной язык, русскую историю и культуру. Активисты именно этой, не ассимилированной в полной мере части диаспоры стали основой для будущих организаций соотечественников. Однако политическая ситуация в странах Балтии такова, что роль координационных советов в консолидации русской общины, к сожалению, крайне мала.

С одной стороны, активисты координационных советов соотечественников находятся под постоянным жестким давлением местных

властей. В условиях напряженных отношений между странами Балтии и Россией к ним относятся с подозрением, считая их «агентами Кремля» и проводниками российских интересов. Государства прикладывают все усилия для того, чтобы маргинализировать деятельность пророссийских активистов, тем самым отпугивая других людей от русских общественных организаций. В этих условиях они ждут от Российской Федерации большей финансовой и правовой помощи.

С другой стороны, Россия не считает нужным усиливать поддержку организациям соотечественников, поскольку полагает, что координационные советы давно исчерпали свой потенциал, а их лидеры не пользуются широкой поддержкой в обществе. Мероприятия, ежегодно проводимые под эгидой советов, не приносят ожидаемого эффекта. Снижение финансовой поддержки и ужесточение правил финансирования проектов стали вынужденным шагом России в условиях ограниченности ресурсов и смены внешнеполитических приоритетов страны.

Тем не менее Россия не может полностью свернуть программу поддержки соотечественников за рубежом, поскольку это противоречило бы ее государственным приоритетам как регионального лидера на постсоветском пространстве. В ее интересах продолжить оказывать помощь координационным советам, однако только с учетом конкретных интересов России.

Необходимо сфокусироваться на тех проектах и организациях, которые смогли доказать свою эффективность. Возможно, посольствам России в Эстонии, Латвии и Литве следует провести соответствующий мониторинг для центрального аппарата МИД России и предложить свои рекомендации.

Российским представительствам следует оказывать большую юридическую поддержку организациям соотечественников.

Стоит усилить поддержку местным правозащитным организациям, отстаивающим права российских соотечественников.

Необходимо устранить лишние бюрократические препоны в работе с

координационными советами при сохранении прозрачной отчетности за каждое проведенное мероприятие, финансируемое за счет российской стороны.

Целесообразно усилить информационную поддержку деятельности координационных советов и общественных организаций российских соотечественников. Этим могли бы заняться как российские официальные ведомства (посольства, Россотрудничество), так и государственные СМИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы и предложения.

С принятием Федерального закона от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» завершено правовое оформление статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации, установленного Конституцией Российской Федерации.

Вместе с тем, необходимо посмотреть совершенствование механизмов обеспечения статуса русского языка как государственного языка Российской Федерации на всей территории страны, осуществление контроля за соблюдением должностными лицами органов и организаций, государственными и муниципальными служащими, гражданами Российской Федерации норм и правил современного русского литературного языка.

Так как можно подчеркнуть объединяющую роль русского языка как государственного языка Российской Федерации в едином многонациональном государстве, расширяет и конкретизирует сферы, в которых использование государственного языка Российской Федерации является обязательным.

Правительство Российской Федерации определяет порядок формирования и утверждения списка словарей, грамматик и справочников, фиксирующих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации в сферах, предусмотренных настоящим Федеральным законом, определяется Правительством Российской Федерации.

Предлагается ввести новую статью 4.1 Федерального закона № 53-ФЗ, определяющая необходимость применения государственного языка Российской Федерации, а также создания надлежащих условий для соблюдения всеми должностными лицами норм и правил современного русского литературного языка в системе государственного управления.

Принятие указанного предложения позволит обеспечить реализацию социально значимых положений Конституции Российской Федерации в области русского языка, введенных Законом Российской Федерации № 1-ФКЗ, повысить общий уровень грамотности граждан, корректность использования государственного языка Российской Федерации государственными и муниципальными служащими, обеспечить контроль за качеством подготовки «единого корпуса» грамматик, словарей, справочников, а также соблюдение всеми должностными лицами норм и правил современного русского литературного языка.

Нельзя не отметить, что Межпарламентской ассамблеей государств — участников СНГ утвержден Модельный закон о языках (постановление от 4 декабря 2004 г. № 24-6), в котором рассматривается целый терминологический ряд (ст. 1):

- государственный язык — язык, законодательно закрепленный для обязательного использования в политической, экономической, социальной, культурной и других официальных сферах;
- официальный язык — язык, законодательно закрепленный для использования в официальных сферах наряду с государственным;
- язык национального меньшинства — язык этнической группы, проживающей на территории государства.

При этом подчеркнуто особое значение именно русского языка. Часть 3 ст. 2 закрепляет: «Русский язык, традиционно являющийся средством межнационального общения, имеет статус официального языка Содружества Независимых Государств в соответствии с законодательством государства — участника СНГ».

Необходимо развивать русский мир — как основу сотрудничества, в центре которого находится наш государственный язык. Достигаться эта задача может только при бережном отношении к языку, которая будет обеспечиваться созданием условий для получения знаний литературного

русского языка всеми гражданами Российской Федерации, созданию условий изучения русского языка всеми лицами, желающими проживать на территории нашего государства, способствованию распространения русского языка за рубежом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 №1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.
2. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 23. Ст. 2199.
3. Постановление Правительства РФ от 23.11.2006 № 714 (ред. от 08.08.2020) «О порядке утверждения норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, правил русской орфографии и пунктуации» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 48. Ст. 5042.

Научная и учебная литература

4. Андриченко Л.В. Правовой статус национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. М.: Регулирование и защита прав национальных меньшинств и коренных малочисленных народов в Российской Федерации. ОАО Издательский дом Городец, 2005. 384 с.
5. Хабибулина Н.И. Язык закона и его постижение в процессе языкового толкования права: Автореферат диссертации кандидата юридических наук / Н.И. Хабибулина. Москва, 1996. 20 с.
6. Щерба С.П. Европейский суд по правам человека / С.П. Щерба, В.Г. Бессарабов. Москва: Юрлитинформ, 2003. 248 с.

Публикация в научных журналах, сборниках и СМИ

7. Алексеевская Е.И. Целевые показатели устойчивого развития правосудия / Е.И. Алексеевская // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5.

С. 50 - 66.

8. Боголюбов С.А. Язык правоприменительных актов / С.А. Боголюбов // Экологическое право. 2007. № 1. С. 3 - 4.

9. Боннер А.Т. Основания к отмене судебных постановлений по гражданским и арбитражным делам должны быть приведены в соответствие с жизнью / А.Т. Боннер // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 11 - 31.

10. Бородин Е.А. Язык глобального правового сознания / Е.А. Бородин // Ноосферные исследования. 2016. № 1. С. 173 - 190.

11. Бывальцева С.Г., Черепанов М.М. Рассмотрение органами прокуратуры и иными государственными органами обращений граждан, поданных на иностранном языке и языке народов Российской Федерации // Законность. 2020. № 7. С. 27 - 31.

12. Валеев Д.Х. Возможность использования процессуальных документов, составленных на государственных языках субъекта РФ в гражданском судопроизводстве / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 54 - 57.

13. Валеев Д.Х. Потенциал государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 67 - 74.

14. Валеев Д.Х. Процессуальный статус переводчика и доказательственное значение его переводов в гражданском процессе / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 114 - 123.

15. Валеев Д.Х. Реализация конституционного права на судебную защиту на государственных языках субъекта Российской Федерации по гражданским делам в контексте вынесения решения / Д.Х. Валеев, А.Г. Нуриев, Р.В. Шакирьянов // Российский судья. 2018. № 11. С. 6 - 9.

16. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Возможность использования процессуальных документов, составленных на государственном языке субъекта РФ в гражданском судопроизводстве // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 54 - 57.

17. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Практические и доктринальные проблемы применения государственных языков субъектов Российской Федерации в процессуальных отраслях права на примере гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 3. С. 16 - 23.

18. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г., Шакирьянов Р.В. Реализация конституционного права на судебную защиту на государственных языках субъекта РФ по гражданским делам в контексте вынесения решения // Российский судья. 2018. № 11. С. 8 - 11.

19. Васильева Л.Н. Совершенствование законодательства в области использования языков народов России // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 53 - 59.

20. Воронцова Ю.А. Сквернословие как средство вербального общения в служебном коллективе / Ю.А. Воронцова // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 62 - 64.

21. Гуляев К.С. Доступность практики Европейского суда по правам человека на официальных языках государств - членов Совета Европы (сравнительный анализ) // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 1. С. 142 - 146.

22. Гуляев К.С. Проблема доступности практики Европейского суда по правам человека на государственных языках государств - членов Совета Европы. Опыт Российской Федерации в решении данной проблемы // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 12. С. 136 - 143.

23. Гучигов Т.Х. Особенности статуса государственных языков в республиках Северо-Кавказского федерального округа / Т.Х. Гучигов //

Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 30 - 33.

24. Джамалова Э.К., Курбанова З.М. Конституционно-правовые основы равноправия языков народов России как фактор развития правовой культуры народов Дагестана // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 8. С. 20 - 22.

25. Доровских Е.М. Правовые аспекты национально-языковой политики в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 11. С. 53 - 69.

26. Казанцева О.Л. Об антикоррупционной экспертизе, проводимой органами юстиции (на примере Алтайского края): актуальные вопросы практики / О.Л. Казанцева, Д.В. Трущелев // Юрислингвистика. 2018. № 7. С. 45 - 55.

27. Калинин С.А. Методология общей теории права (лекция) / С.А. Калинин // Право.by. 2011. № 2. С. 7 - 17.

28. Кирикова А.А. Язык как фактор формирования правосознания государственных и муниципальных служащих // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2020. № 2. С. 19 - 22.

29. Кленов А.Л. Проблемы языкового равенства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 9. С. 57 - 61.

30. Котлярова О.В. Новые тенденции в лексике административно-политического дискурса / О.В. Котлярова // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2018. № 2. С. 87 - 97.

31. Котов, В.В. Общественный финансовый контроль в США: исторический и правовой аспекты / В.В. Котов // Современное право. 2009. № 2. С. 108 - 112.

32. Кряжков В.А. Права коренных малочисленных народов России: методология регулирования / В.А. Кряжков // Государство и право. 1997. № 1. С. 18 - 23.

33. Кузнецов О.Ю. Международно-правовая практика обеспечения

прав лиц, не владеющих языком судопроизводства страны, осуществляющей правосудие (по материалам Европейского суда по правам человека) / О.Ю. Кузнецов // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. № 3. С. 15 - 20.

34. Кузнецов О.Ю. Понятие «язык судопроизводства» в системе российского процессуального законодательства / О.Ю. Кузнецов // Современное право. 2005. № 4. С. 46 - 52.

35. Курбанова З.М. К вопросу об определении конституционно-правового статуса государственных языков республик (в контексте национально-языкового регулирования в Республике Дагестан) // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 70 - 73.

36. Курбанова З.М. Формирование органов публичной власти: вопросы, связанные со знанием государственных языков республик в составе Российской Федерации / З.М. Курбанова // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 34 - 37.

37. Лайтер А.В. Правовой нигилизм как фактор деформации правовой культуры России / А.В. Лайтер // Вопросы культурологии. 2012. № 2. С. 38 - 40.

38. Лескова, Ю.Г. К вопросу об особенностях правового статуса саморегулируемых организаций в сфере капитального строительства, проектирования и инженерных изысканий / Ю.Г. Лескова // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 1. С. 45 - 51.

39. Ливеровский, А.А. Правовые проблемы регулирования создания и деятельности конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации / А.А. Ливеровский // Ученые записки Института права Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов. 2001. № 7. С. 61 - 64.

40. Матренина, К.Ю. Электронные публичные слушания как дополнительный механизм проведения публичных слушаний / К.Ю. Матренина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2012. № 3. С. 112 - 115.

41. Мигущенко О.Н. Противодействие религиозному экстремизму: постановка проблемы / О.Н. Мигущенко // Юридический мир. 2015. № 11. С. 54 - 59.
42. Мигущенко О.Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность / О.Н. Мигущенко // Российский следователь. 2017. № 8. С. 45 - 49.
43. Мигущенко О.Н. Тенденции развития системы юридического образования в постсоветской России / О.Н. Мигущенко // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2019. № 3. С. 52 - 61.
44. Михеев, Д.С. К вопросу о формах общественного контроля / Д.С. Михеев // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2018. № 1 (13). С. 66 - 70.
45. Мосенкис Ю.Л. Язык как отражение архаического правосознания / Ю.Л. Мосенкис // Происхождение языка и культуры: древняя история человечества. 2007. № 2. С. 32 - 35.
46. Ровенская Д.А. Адвокатура как правозащитный институт в Российском государстве: направления оптимизации / Д.А. Ровенская // Молодой ученый. 2019. № 47. С. 372 - 373.
47. Романовская О.В. Язык нотариального производства / О.В. Романовская // Нотариус. 2006. № 6. С. 11 - 15.
48. Руднев Д.В., Садова Т.С. Русский язык как государственный и современный русский литературный язык (в аспекте реализации Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации») // Журнал российского права. 2017. № 2. С. 56 - 66.
49. Русакова О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 26 - 43.
50. Самсонова И.В. Проблемы взаимодействия коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний в Республике Саха

(Якутия) / И.В. Самсонова, А.Б. Неустроева, М.Б. Павлова // Социодинамика. 2017. № 9. С. 21 - 37.

51. Синцов Г.В. Особенности международных правовых актов, регулирующих деятельность адвокатуры / Г.В. Синцов, Д.В. Фролов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 3 (27). С. 12 - 16.

52. Соломатин Е.Н. Институт адвокатуры как субъект правозащитной деятельности в дореволюционной России / Е.Н. Соломатин // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2015. № 1 (ч. 2). С. 84 - 95.

53. Трахов А.И. Язык и терминология уголовного закона / А.И. Трахов // Российский судья. 2002. № 3. С. 37 - 39.

54. Фастович Г.Г. Участие государственного механизма в защите интересов коренных малочисленных народов Крайнего Севера: эффективность правоприменения / Г.Г. Фастович, А.О. Ченский // Аграрное и земельное право. 2018. № 1. С. 4 - 6.

55. Филиппова Н.А. Защитник прав коренных народов в регионах России: становление института / Н.А. Филиппова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2016. № 2. С. 105 - 120.

56. Шаломенцева Е.Г. Антикоррупционная экспертиза муниципальных нормативных правовых актов, применяемых в сфере управления и распоряжения муниципальным имуществом, проблемы правового регулирования / Е.Г. Шаломенцева // Юридический мир. 2013. № 12. С. 36 - 39.

57. Ягудин Ш.Ш. Конституционно-правовые основы государственных языков в Российской Федерации / Ш.Ш. Ягудин // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 3. С. 28 - 32.

58. Ядреев И.В. Использование государственных языков субъектов Федерации в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2019. № 8. С.

38 - 41.

59. Янушкевич И.Ф. Концептосфера англосаксонского права периода раннего Средневековья / И.Ф. Янушкевич // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2008. № 2. С. 104 - 107.